

Проблемы перикловых зданий

Г. В. Элдеркин

Problems in Periclean Buildings

G. W. Elderkin

The Project Gutenberg eBook of Problems in Periclean Buildings.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Проблемы периклийских зданий

Автор: Г. В. Элдеркин

Дата выхода: 24 августа 2011 [eBook #37197]

Последнее обновление: 25 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом, библиотекой округа Бровард, Стивеном Роуландом и

Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK PROBLEMS IN PERICLEAN BUILDINGS ***

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИКЛЕЙСКИХ ПОСТРОЕК

ПРИНСТОНСКИЕ МОНОГРАФИИ ПО ИСКУССТВУ И АРХЕОЛОГИИ II

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИКЛОВЫХ ПОСТРОЕК

BY G. W. ELDERKIN, Ph.D.

ДОЦЕНТ, ПРЕЦЕПТОР ПО ИСКУССТВУ И АРХЕОЛОГИИ,
ПРИНСТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРЕССА ПРИНСТОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРИНЦЕТОН
ЛОНДОН: ГЕНРИ ФРОУД
ОКСФОРДСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1912

Copyright, 1912, by Princeton University Press
для Соединенных Штатов Америки.

--

Отпечатано в издательстве Принстонского университета,
Принстон, штат Нью-Джерси, США.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Значение неправильной формы Пропилеи	1
II. Интерпретация крыльца Кариатиды	13
III. Построенный Эрехтейум	19
IV. Планируемый Эрехтей	49

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Восточное окно Пинакотеки.
2. Пинакотека с основания бастиона храма Бескрылой Победы.
3. Пинакотека с точки, расположенной вблизи оси центрального портала.
4. План Пропилеи с зигзагообразной дорогой подъема.
5. Сцена на архаической амфоре.
6. Северная часть западного внутреннего фундамента Эрехтеума. Вид с востока.
7. План Эрехтея в построенном виде.
8. Северная сторона двери в западной стене.
9. Северная стена в месте соприкосновения с восточной поперечной стеной.
10. Вырез в мраморном блоке в северо-восточном углу восточной целлы ниже предполагаемого уровня пола.
11. Внутренний северо-западный угол храма.
12. Первоначальный план Эрехтеума.

I

ЗНАЧЕНИЕ НЕПРАВИЛЬНОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ПРОПИЛЕЕВ

Неправильное расположение двери и окон в северо-западном крыле Пропилеев было отмечено давно, хотя никаких объяснений этому явлению предложено не было. Bohn, *Die*

Propylaeen der Akropolis zu Athen, p. 23, говорит о южной стене этого крыла: "Die Wand welche die Halle von dem eigentlichen Gemach trennt, ist von einer Tür und zwei Fenstern durchbrochen. Первая находится в центре, вторая - в несимметричном положении по отношению к ней. Irgend einen Grund, irgend eine axiale Beziehung zu den Säulen vermochte ich in dieser abweichenden Anordnung nicht zu finden." Восточная стена Эрехтеума, с другой стороны (А. J. А., 1906, Pl. 8), была пронизана центральной дверью и двумя равноудаленными от нее окнами. То, что такое симметричное расположение должно быть в Эрехтеуме, а не в близкой к нему Пропилее, справедливо вызывает удивление. Целью данного исследования является попытка объяснить эту нерегулярность в последнем.

Первый факт, который следует отметить в отношении фасада Пинакотеки, кратко изложен Боном (указ. соч., стр. 23): "Die Stellung der Säulen bestimmt sich dadurch dass die Tangente an die Westseite der östlichsten genau in die entsprechende Flucht der Hexastylstützen fällt." Положение анта на восточном конце меньшей колоннады также определяется требованием, чтобы он находился непосредственно под триглифом. Эта анта, в свою очередь, определила положение восточного окна, так как западная сторона анты и окно находятся на равном расстоянии от восточной стены Пинакотеки (рис. 1). Такое совпадение вряд ли может быть случайным. Если положение восточного окна было определено исходя из соображений внешнего вида с четко определенной внешней точки зрения, то вполне вероятно, что положение двух других проемов в стене было аналогичным образом определено точкой или точками где-то на линии подхода к зданию, а не с учетом объектов внутри Пинакотеки. Такая точка легко находится у основания бастиона Нике, откуда между колоннами одновременно видны и окна, и дверь (рис. 2). Западное окно находится в крайней левой части интерколумнии, восточное - в крайней правой. Если наблюдатель продвигается от этой точки по направлению к Пинакотеке, то окна остаются в поле зрения постоянно, но, кажется, все больше и больше смещаются к середине интерколумния (рис. 3).

Ни по какой другой линии за пределами портика три проема не видны одновременно. Вдоль отмеченной линии они могут быть видны не только одновременно, но и в таком взаимном соотношении, что создают неизбежно меняющуюся, но удовлетворительную видимость симметрии. Факты указывают на два почти неизбежных вывода: во-первых, линия этих точек определяет для нас положение последнего отрезка зигзагообразной дороги, которая вела к Акрополю; во-вторых, асимметричное расположение дверей и окон было вызвано желанием архитектора, чтобы фасад производил полное и единое впечатление на приближающегося наблюдателя. Этим желанием архитектора объясняется и необычная глубина портика Пинакотеки. Как уже говорилось, положение восточного окна было зафиксировано расположенной перед ним аркой. Таким образом, глубина портика была обусловлена видимостью окна с бастиона храма Никея. Если бы стена была выдвинута вперед, окно в большей или меньшей степени было бы скрыто колонной, и цель архитектора в этом случае была бы нарушена. Учитывая необычную глубину портика, эффект от переноса стены еще дальше назад вряд ли требует рассмотрения.

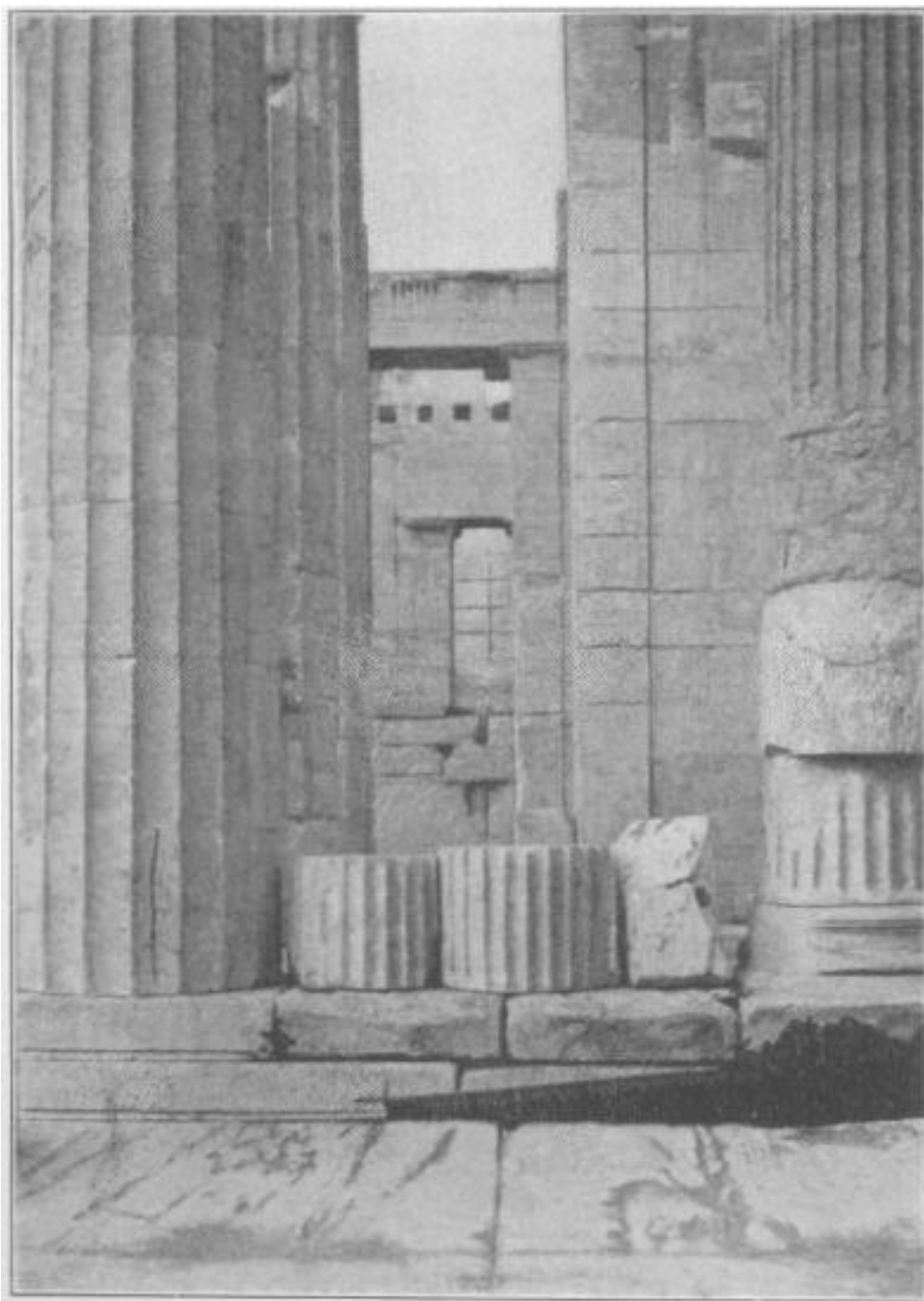

Рисунок 1

Вид восточного окна Пинакотеки, показывающий его отношение к восточному анту портика

Если последний участок зигзагообразной дороги был определен правильно, то следующий участок должен был проходить от бастиона Нике до точки, расположенной ниже постамента памятника Агриппе. Этот постамент, в свою очередь, представляет собой важное доказательство, подтверждающее теорию о том, что именно так проходила дорога.

Памятник Агриппе был установлен в 27 году до н. э., то есть до того, как греческий путь был заменен римскими ступенями в первом веке н. э. (Judeich, *Topographie von Athen*, p. 199, прим.). Его особая ориентация никогда не была объяснена, но теперь, с учетом предыдущего анализа, легко объяснима. С изгиба дороги у основания бастиона конная статуя, возвышавшаяся на высоком постаменте, была видна точно в профиль. Это подтверждается

взглядом на план (рис. 4), на котором ось дороги и ось пьедестала с севера на юг сходятся у основания бастиона. С поворота дороги, расположенного чуть ниже пьедестала, легко читается надпись на его западной грани. Но с предполагаемой дороги, которая нарисована в Judeich, *op. cit.*, Plan II, человек не мог легко прочесть надпись или увидеть конную группу в точном профиле. Таким образом, не вызывает сомнений, что пьедестал памятника был ориентирован на древнегреческую дорогу, первый ключ к которой дает своеобразное расположение дверей и окон Пинакотеки. Определенная таким образом дорога имеет то преимущество перед другими, что она позволяла открывать впечатляющий вид через большой портал и подходить к нему непосредственно спереди.

Одновременная видимость двери и окон с обычной линии подхода - до сих пор не замеченная особенность периклийских зданий, которая снова удачно проиллюстрирована в близком по времени Эрехтеуме. Определенная реставрация Стивенсом (A. J. A., 1906, Pl. 9) восточной стены этого храма показывает, что дверь и окна были расположены так, чтобы быть одновременно видимыми с точек, расположенных по оси двери (рис. 7). На расстоянии около 10 м от стилобата окна находились в середине интерколумнции.^[1] Ровная площадка перед фасадом позволяла подходить к нему прямо спереди. Чтобы окна были видны одновременно, их расположили вплотную к двери, что, вероятно, вынудило архитектора использовать бронзовую дверную коробку вместо каменной, как в северной двери. В первом случае между дверью и окном можно было установить более длинные блоки стены, чем во втором.

К Пропилеям вела зигзагообразная дорога, поднимавшаяся по крутому склону. Последний отрезок этой дороги был направлен под углом к оси N-S Пинакотеки. Если фасад должен был просматриваться с этого последнего участка зигзагообразной дороги, то асимметричное расположение двери и окон было совершенно необходимо. Окна и дверь должны были быть смещены вправо от их обычного положения. Восточный фасад Эрехтеума и Пинакотеки иллюстрируют один и тот же закон, согласно которому дверь и окна за колоннадой должны быть одновременно видны перед колоннадой. Однако в восточного фасада Эрехтеума этот закон соблюдается при совершенно нормальном расположении, а в Пинакотеке соблюдение общего закона потребовало ненормального расположения проемов.

Однако непреодолимая трудность на пути к полному соблюдению закона заключалась в необходимости учитывать требования двух широко разнесенных точек зрения, одна из которых находилась на линии подхода к Пропилеям, а другая - внутри портика. На плане Пропилеи (рис. 4) видно, что линии, проведенные от оси прямой проезжей части в ее нижнем конце к дверным косякам Пинакотеки, неравномерно разрезают две колонны. Линия, проведенная к левой стороне двери, проходит по касательной к одной колонне, а линия, проведенная к правой стороне, глубоко врежется в другую. Если бы дверь располагалась исключительно с учетом вида, открывающегося с последнего отрезка зигзагообразной дороги, она должна была бы стоять дальше к западу. То, что она не расположена таким образом, объясняется тем, что архитектор стремился также обеспечить обзор для наблюдателя, который подходит к Пинакотеке из-за шестигранника. Необходимо подчеркнуть тот факт, что проход за гексастилем был обычным средством доступа в Пинакотеку. Расположение восточного окна в центре стены быстро, если и неосознанно, почувствовал бы наблюдатель, в результате чего асимметрия стены в целом не была бы замечена. Если бы обычный вход в крыло был спереди, между первой и второй колоннами (считая с востока), то факт, что окна не были равноудалены от двери, был бы легко распознан, но, как и сейчас, наблюдатель, вошедший в портик обычным способом с восточной стороны, видел прямо перед собой пространство стены, пронизанное

расположенным по центру окном. Если бы дверь была расположена дальше на запад, это преимущество было бы утрачено.

Если указанный нами зигзагообразный подход верен, то из этого следует, что Пинакотека была рассчитана и на наблюдателя, стоящего в начале прямого пути через портал, где она производила бы единый эффект с общей структурой.

Рисунок 2

Пинакотека, как видно с основания бастиона
Нике.

Слева - постамент памятника Агриппе.

Рисунок 3

Пинакотека с точки, расположенной вблизи
оси проезжей части
через Пропилеи.

Легко заметить, что если бы юго-западное крыло, которое так и не было завершено, было построено как точный аналог северо-западного, то все три части были бы спроектированы так, чтобы их можно было видеть из общей точки в начале прямой дороги через портал, и структура, хотя и трехчастная, была бы симметричной. Профессор Дёрпфельд (*Ath. Mitt.*, 1885, p. 45 ff.) показал, что архитектор в свое время планировал юго-западное крыло с колоннадой вместо закрытой западной стены, и что нынешнее свернутое крыло могло бы быть включено в него в соответствии с планом, если бы было дано разрешение на вторжение в соседние святилища. Конечно, нельзя отрицать, что в свое время колоннада была запроектирована для западной стороны крыла, но разве этот факт исключает возможность еще более раннего плана? Единственная причина, которую приводит профессор Дёрпфельд для колоннады, - это возможность доступа к храму Никея. Но закрытая стена на месте колоннады не сделала бы храм недоступным, пока в северо-западном углу крыла оставались ступени, которые обеспечивали гораздо более удобный подход к храму для тех, кто поднимался на Акрополь. Действительно, вполне возможно, что архитектор Мнесикл изначально планировал юго-западное крыло (Stuart & Revett, *The Antiquities of Athens*, II, V, Pl. III), точно такое же, как северо-западное крыло, но был вынужден отказаться от него, компромиссный вариант с колоннадой также был отвергнут, и ему пришлось довольствоваться той урезанной формой, в которой крыло существует сейчас, но он так

расположил заднюю стену камеры, что в конечном итоге она могла быть включена в крыло с колоннадой на западной стороне.

Более того, есть некоторые основания подозревать, что архитектор враждебно относился к идее размещения храма на бастионе. Пропилеи и храм явно не являются элементами гармоничного структурного плана. Пропилеи как венчающие ворота акрополя требовали беспрепятственного обзора на запад. Присутствие маленького храма препятствует этому виду. Узнав, что сенат одобрил строительство храма в 446 году до н. э. или незадолго до него (Еф. Арх., 1897, р. 179), то есть в то время, когда, как мы справедливо полагаем, перикловские планы строительства акрополя были уже готовы, можно заподозрить, что консервативная религиозная партия стремилась навсегда помешать строителям в их пренебрежении святынями, поставив на бастионе храм Афины Nikei. О том, что противодействие жречества^[2] полностью пресекло намерение Перикла и его архитекторов, свидетельствует тот факт, что фундамент стен, которые должны были стоять либо на участке Артемиды Брауронии, либо на участке Афины Nikei, так и не был заложен.

Самой показательной главой в борьбе жреца и архитектора является последняя. Когда архитектор был вынужден отказаться от идеи строительства колоннады, он надеялся, что сможет продлить южную стену крыла на 30 см к западу от ее нынешнего положения, чтобы выровнять ее с третьей колонной северной колоннады. Доказательством тому служат блоки рогов под полом крыла, которые выступают достаточно далеко на запад, чтобы поддерживать мостовую из мраморных плит, заканчивающуюся у западной стороны колонны (см. фотографию в *Jb. Arch. Inst.*, 1906, р. 139). Эти блоки не должны были служить ступеньками, так как в этом случае использовался бы мрамор. Если бы мостовая и анты простирались на 30 см дальше, между антами и третьей колонной северного фасада можно было бы установить пирс необходимого диаметра, а архитрав над пирсом мог бы иметь ту же ширину, что и северная колоннада. Но даже в этой небольшой уступке было отказано; западная линия крыла была отодвинута назад; пришлось построить уникальный пирс и поместить на него узкий архитрав (Bohn, *op. cit.*, Taf. XVI). Даже блоки порося в тех местах, где они заходили на территорию участка, похоже, были срублены.

В самой Пропилее сохранилось некоторое предположение о реальном отношении архитектора к храму Nikei и его бастиону. Крепидома юго-западного крыла заканчивается антами, которые должны были стоять свободно (*Arch. Zeit.*, 1880, р. 86; *Jb. Arch. Inst.*, 1906, р. 136, fig. 3): "Dass dieser Pfeiler in Form einer Anta gebildet ist, d.h. nach Nord und Süd um ein wenig vorspringt, beweist dass hier ursprünglich ein selbständiger Abschluss geplant war, genau wie an der Nordhalle." Возражение Вольтерса (*Bonner Studien*, р. 95) не опровергает вывод Бона. Первый предполагает, что блоки для двух соответствующих антов были заказаны архитектором без указания того, для какого анта предназначались те или иные блоки. Поскольку блоки имеют разную высоту, можно с уверенностью предположить, что камнерез точно знал место каждого из них. Еще одним важным фактом является то, что данная анта наклонена на 3 см к западу. Дёрпфельд, опубликовавший это ценное наблюдение в *Ath. Mitt.*, 1911, р. 55, говорит: "Для конца анта Мауэра наклон к западу не имеет значения. Мы должны быть уверены, что эти два участка Ворплатца Пропилеи не будут закончены, а будут находиться дальше на запад от плоскости Мнезикла, как Мраморвенд, с минимальным количеством инерционных анте, которые будут укреплены. Im Süden sollten die beiden Parastaden augenscheinlich die Treppe zum Nike-Tempel einfassen, im Norden sollten sie vermutlich eine Tür bilden, die zu dem westlich von der Pinakothek befindlichen tief liegenden Raume führte."

Из этого важного замечания профессора Дёрпфельда можно сделать вывод, что анта предназначалась для того, чтобы нести перемычку или архитрав, выходящий на запад. Вопрос в том, какую часть бастиона нужно было убрать, чтобы освободить место для этой пристройки. Готовность архитектора вторгнуться в пределы храма заставляет ответить, что весь бастион должен был быть удален. Анта, как говорит Бон, была построена так, чтобы стоять свободно, как и ее аналог в северо-западном крыле. Характер пристройки остается предметом предположений. Возможно, предполагалась колоннада.

Но если это так, то возникает вопрос, как получилось, что бастион храма, который, несомненно, предшествовал Пропилеям, имеет северную стену, выровненную с северо-западным крылом Пропилеев. Это совпадение должно быть результатом продуманного плана и лучше всего объясняется предположением, что, когда строился бастион, план Пропилеев и их расположение уже были известны. Поэтому северная стена бастиона могла быть построена на одной линии с крылом. Продолжение северной стены бастиона было отбито, когда начались работы над Пропилеями.

Ни Перикл, ни Мнесикл не давали согласия на возведение храма Бескрылой Победы. В прислоненном анте, который был построен, чтобы стоять свободно, читается их затаенная надежда на то, что Пропилеи могли бы наслаждаться впечатляющим видом на весь район к западу от акрополя, и не раздражать враждебными линиями структурно незначительного храма Победы.

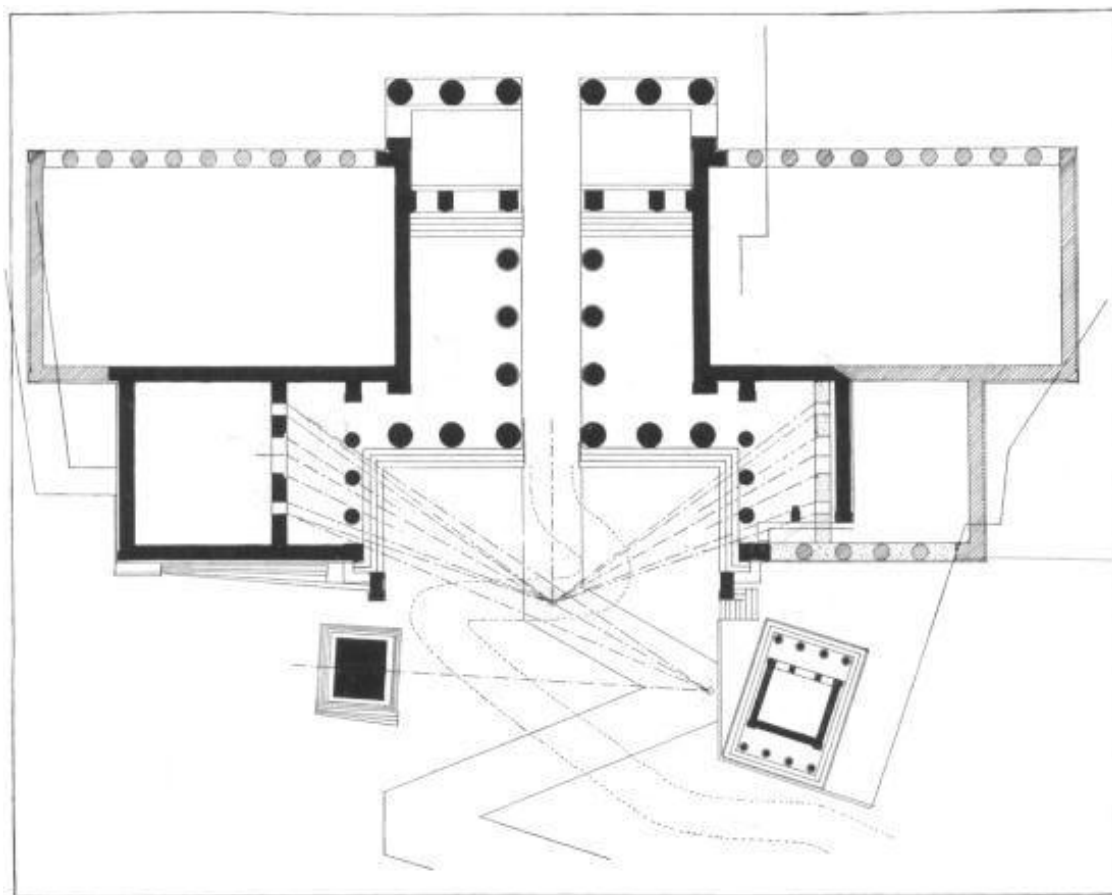

Рисунок 4

План Пропилеи с изображением зигзагообразной дороги, предполагаемой дороги (пунктирными линиями) и первоначальной формы юго-западного крыла

ПОРТИК КАРИАТИДЫ В ЭРЕХТЕУМЕ

Не менее примечательной особенностью Эрехтея является портик Кариатид, который обычно рассматривается как творение фантазии художника и не имеет дальнейшего значения. В данном исследовании будет сделана попытка доказать, что девы служат не только структурной и художественной цели, но и имеют идейное отношение к культу храма, несмотря на то, что женская фигура использовалась ранними архитекторами лишь в качестве опоры. Если тема фриза Эрехтеума, как и примерно современного Парфенона, была уместно взята из жизни и поклонения богам храма, то вполне возможно, что скульптурные девы уникального Крыльца Кариатид также имеют логическое отношение к культу храма.

Прежде всего, можно отметить, что вход в Эрехтей у Крыльца Кариатид по расположению близко соответствует южному входу в доперсидский Эрехтей. Архаичная педиментальная скульптура пороса, которая сейчас находится в Музее Акрополя (Wiegand, *Porosarchitektur der Akropolis zu Athen*, Taf. 14; Petersen, *Die Burgtempel der Athenaia*, p. 22, abb. 2) дает нам вид раннего храма с юга. Вблизи западной стороны храма над низкой стеной видна священная олива Афины, как в более поздний период она стояла рядом с западным фасадом Эрехтеума и виднелась над южной стеной Пандросеума. От юго-западного угла как раннего, так и более позднего Эрехтеума на запад шла стена участка. Вдоль этой стены в педиментальной скульптуре фигуры проходят к храму. Они пришли со стороны Пропилеев. Процессия, движущаяся от Пропилеев к крыльцу Кариатид, точно соответствовала фону скульптурных фигур. Соответствие становится полным, если заметить, что эти фигуры движутся к входу, который отвечает более позднему крыльцу Кариатид.

Еще одним важным моментом является то, что женские фигуры в процессии несли что-то на голове, о чем свидетельствуют их поднятые, но сломанные левые руки. Положение большей фигуры, которая должна была быть видна спереди, точно не известно, поскольку она не была прикреплена к стене, как меньшая женская фигура. Вероятно, она стояла в портике и, возможно, служила кариатидой. Петерсен (указ. соч., стр. 27) считает, что эти фигуры представляют Аррефорой, а не Канефорой, и его мнение весьма обоснованно. Аррефоры ежегодно несли на голове какой-то таинственный предмет в храм Афины и Эрехтея.

Процессия, включающая Аррефоров, движущаяся к входу, который был предшественником крыльца Кариатид, позволяет объяснить тот факт, что это крыльцо было не для общего пользования. Ограниченное использование крыльца Кариатид следует из следующих фактов. Проем в северо-восточном углу крыльца узкий, а ступенька к нему составляет двадцать дюймов. Если бы этим средством доступа в храм пользовалась публика, ступенька была бы ниже и удобнее. Кроме того, тонкие лепные элементы основания здания, проходящие под этим проемом, были бы изношены, если бы проем часто использовался (Frazer, *Pausanias*, II, p. 337). Фрейзер делает вывод, что вход был предназначен для жрецов.

Возможно, этот вход, как и его предшественник, использовался аррефорами. Если это был вход, специально предназначенный для них, то Кариатиды вполне уместно рассматривать как статуи Аррефороя. Они украшают свое собственное крыльцо. На такое отождествление можно возразить, что Кариатиды представляют собой полностью развитые формы, тогда как Аррефоры были девочками в возрасте от семи до одиннадцати лет (Bekker, *Anecdota Graeca*, I. p. 202, s. v. ἀρρηφορέϊν), но структурная необходимость в более тяжелых и полных формах

оправдывала разрешение архитектора. Кариатиды называются *kórai* в надписях на зданиях.[3]

Рисунок 5
Шествие Аррефороя. Сцена на архаической амфоре

Интерпретация Кариатид как Аррефоров подтверждается сценой (рис. 5)[4] на архаической амфоре, которая также позволяет лучше понять Порчу в целом. Амфора, которая сейчас находится в Музея изящных искусств в Бостоне, опубликована Де Риддером в *В. С. Н.*, 1898, р. 467 и pl. VI, и Каски в *Бюллетене Музея изящных искусств*, том VII (1909), № 38. В сцене на горлышке этой амфоры изображена жрица, за которой следуют четыре девы, несущие на головах длинный сундук. Де Риддер сравнивает четырех дев с афинскими Канефорами. Можно отметить некоторые моменты, наводящие на размышления. Девы в количестве четырех человек. Древние авторы, за исключением Павсания, рассказывают, что в Афинах было четыре Аррефоры.[5] Фасад крыльца Кариатиды состоит из четырех. На этом сравнения не заканчиваются. Архитрав, который несут Кариатиды (Аррефоры), можно сравнить с длинным сундуком, который девы несут на голове, а диски на архитраве - с дисками, украшающими сундук. Диски на архитраве обычно объясняют как замену фриза, но логика такой замены совершенно непонятна. Это просто орнаменты, украшавшие таинственную ношу Аррефороя.

Церемония, в ходе которой аррефоры несли сундук, возможно, связана с культом героизированных мертвецов. По преданию, в Эрехтеуме был похоронен Эрехтей, который был тесно связан с Афиной. Диски на ящике и на одежде носильщиков напоминают те, что в таком количестве были найдены в микенских шахтах-могилах.[6] Но каков бы ни был характер церемонии, она имела отношение к культу, который хранился в Эрехтеуме.

Только что упомянутая амфора - беотийская, но этот факт не отменяет ее важности для рассматриваемой проблемы. Возможно, беотийский гончар позаимствовал эту сцену из афинского источника. Сравнительное изучение этой амфоры, архаической педиментальной скульптуры и Крыльца Кариатид, как представляется, оправдывает следующие выводы. Крыльцо Кариатид - это смелое воплощение в мраморе Аррефоры и покрытого дисками

ларца, который они несли на голове в совместный храм Афины и Эрехтея. Девы особенно уместно украшают портик, который был предназначен для их живых прототипов. Соответствующий вход совместного доперсидского храма также использовался Аррефорой и, возможно, имел кариатиды вместо колонн. Если это так, то поздний храм воспроизводит черты более раннего храма так же, как уникальные скульптурные барабаны более раннего Артемизиума в Эфесе были воспроизведены в его преемнике. Одним словом, крыльцо с кариатидами не является произвольным творением, а связано по мысли с культом храма.

III

ПОСТРОЕННЫЙ ЭРЕХТЕЙУМ

Настоящий план интерьера Эрехтеума сопряжен с рядом трудностей. Сначала можно рассмотреть те, которые носят общий характер. В целлах греческих храмов внутренние поперечные стены регулярно располагаются под прямым углом к оси главного входа, а не параллельно этой оси, как в западной целле Эрехтеума. Принятый план целлы заставляет ориентировать две ее камеры на восток и запад, а не на север и юг. Отсутствие гармонии в пропорциях западной камеры и крыльца, которое к ней примыкает, вряд ли можно ожидать от архитектора пятого века. Возможно, его можно было бы оправдать теорией, что он работал в условиях ограничений, наложенных усложнением культов, если бы не тот факт, что современный архитектор Пропилеев планировал без учета святилищ (см. Furtwängler, *Sitzb. Münch. Akad.*, 1904, 375). Северное крыльцо создает ощущение, что оно должно было стать входом в интерьер большего размера, чем тот, который представлен на данном плане.

Трудности специфического характера возникают при попытке найти на плане некоторые детали чандлеровской надписи (I. G., I, 322). Невозможно найти удовлетворительный парастас. Это была какая-то внутренняя стена. Слово *προστοριάϊον*, официальное название одной из комнат в западной целле, было образовано от *πρόστοριον*, которое, как предполагают, было бордюром у священного колодца (Petersen, *Die Burgtempel der Athenaia*, p. 101). Но возникает естественный вопрос, почему помещение священного колодца не было названо от *στόριον*. Важным объектом культа в этом помещении был *φρέαρ* (*στόριον*). Именно о *θάλασσα* упоминает Геродот, а о *φρέαρ* - Павсаний, в то время как о колодце-ограде ничего не слышно. Естественное толкование *προστοριάϊον* - это комната в перед (*πρό*) * *στοριάϊον*, т. е. комната *στόριον*. Теперь вывод * *στοριάϊον* (который, к слову, не встречается в сохранившихся записях о храме) из *στόριον* так же прост, как и вывод *Πανδροσεῖον* из *Πανδροσος*. Именно совершенно проблематичное *πρόστοριον* делает невероятным выведение из него *προστοριάϊον*.

Следует отметить еще один возможный источник затруднений. В надписи упоминаются четыре двери размером 8¼ x 2½ фута, для которых не нашлось места в наружных стенах. Значит, они должны были располагаться во внутренних стенах. Согласно настоящему плану, который показывает закрытую стену между святилищами Афины и Эрехтея, эти две двойные двери должны были находиться в западной поперечной стене, где они вряд ли могли бы входить в одну комнату (Fowler and Wheeler, *Greek Archaeology*, p. 148, fig. 115). Это заставляет нас предположить разделение средней камеры на две части и тем самым создает трудности для тех, кто считает, что слово *διπλοῦν* в описании Павсания относится ко всей западной части Эрехтеума. Ведь тогда западная целла состояла бы не из двух, а из трех камер.

Дополнительные трудности серьезного характера возникают при попытке подогнать текст Павсания к современному плану всего здания (см. Michaelis, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, p. 16 ff). Именно это пытались сделать ученые с очень разными и неудовлетворительными

результатами, настолько неудовлетворительными, что в последнее время некоторые склонны отрицать, что следует придавать какое-либо значение последовательности, которую Павсаний соблюдает в своем повествовании. Считается, что те, кто верит, что описание представляет собой нечто большее, чем вольное изложение содержимого храма, делают предположения. Но описание, взятое само по себе, кажется систематическим изложением, и бремя доказательства лежит на тех, кто его отрицает. Отрицание основывается на том, что описание не соответствует принятому плану интерьера Эрехтеума, но такая основа ненадежна, поскольку интерьер храма был настолько полностью разрушен, что не позволяет абсолютно точно восстановить его по одним лишь свидетельствам здания. В случае с этим описанием нет никаких оснований утверждать, что Павсаний перепутал свои записи.

Путешественник должен был войти в Эрехтей через три разные двери. Однако его рассказ прост и не должен вызывать затруднений. Он предполагает упорядоченное движение вперед. Перед входом он нашел алтарь Зевса; при входе - три алтаря и картины Бутады; затем во внутренней (ἔνδον) комнате - колодец и знак трезубца; далее следует рассказ о предметах в келье Афины. Затем он перешел к Пандросеуму. Порядок в этом описании прост и естественен, и как только выдвигается теория откладывания некоторых объектов для упоминания позже в других связях, описание перестает быть ценным в том, что касается внутреннего устройства Эрехтея, и открывается путь к размещению содержимого храма в соответствии с индивидуальным выбором. Простота и естественность описания - лучшая гарантия упорядоченного развития Павсания и единственный ориентир в тех случаях, когда свидетельств строительства недостаточно.

В своем простом, прямолинейном рассказе Павсаний не дает ни малейшего указания на то, что он покинул Эрехтей, пока не вошел в Пандросей. Современный план храма, в котором восточная и западная целлы разделены закрытой стеной, заставляет сделать такое предположение. Кроме того, если Павсаний, пришедший с востока, вошел в Эрехтей через восточную дверь, то он вынужден поместить в целле Афины алтарь Посейдона-Эрехтея и картины Бутады, которые не требовали целлы с ориентацией на восток, а затем разместить содержимое ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς, включая ксоанон, в западной целле, где им точно не было места; или вместе с Дёрпфельдом перенести музей в теневой старый Гекатомпедон, тем самым лишив богиню всякой доли в Эрехтеуме, за исключением того, что храм был назван в честь ее древнейшего изображения в официальной надписи V века.

Но, не обращая внимания на возражение, что Павсаний не указывает на то, что покинул Эрехтей до ναὸς Πανδρόσου, и допуская, что старый Гекатомпедон все еще стоял, быстро возникает вопрос, почему Павсаний, который привел все в порядок, прошел мимо этого храма, когда он приближался с востока. Почему он не посетил целлы, которые находились на более высоком уровне, а затем перешел к тем, которые находились на более низком уровне в западной части Эрехтеума? Тот факт, что старый храм стоял на несколько шагов западнее Эрехтеума, не помогает выйти из затруднения. Простой и удобный порядок был бы таким: Гекатомпедон, Эрехтей, храм или теменос Пандроса. Но вместо этого мы имеем невразумительный порядок, проиллюстрированный в А. J. A., III (1899), p. 368.

Если, однако, большинство ученых правы в своем убеждении, что Павсаний вошел сначала в западную целлу Эрехтеума, то, согласно настоящему плану, ни колодец, ни знак трезубца не были ἔνδον, поскольку первый находится в помещении, в которое входят непосредственно с северного и южного портиков (Michaelis, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, p. 16). Фуртвенглер (*Masterpieces*, p. 435) прибегает к теории, что Павсаний, сразу после упоминания алтаря Зевса Гипата перед входом, добавляет три других в целле, чтобы получить одну из своих

любимых антитез. В результате получилась безнадежная путаница. Три алтаря, которые Павсаний упоминает как находящиеся в первой камере, Фуртвенглер распределяет по двум камерам, ни в одну из которых нельзя войти непосредственно с северного или южного крыльца, а в первой камере устанавливается Кекропс, которого Павсаний не упоминает. Была предпринята попытка, которую следует охарактеризовать как насильственную, подогнать описание путешественника под план целлы, предположив (Frazer, *Paus.*, II, 336), что колодец и трезубец, очевидно, были достигнуты из внутренней камеры, а колодец был виден любопытным через отверстие у подножия лестницы, которая вела вниз из внутренней камеры в крипту (ср. Furtwängler, *Sitzb. Mün. Akad.*, 1904, p. 372). Но зачем заставлять Павсания спускаться по лестнице, для которой нет никаких доказательств, чтобы посмотреть на углубления в скале, которые можно было увидеть с крыльца? Довод Фрейзера о том, что проход через фундамент и под полом предназначался для тех, кто хотел внимательно изучить углубления, крайне неудачен. Следы можно рассмотреть с крыльца, не пролезая через проход, высота которого (1,22 м) показывает, что он не предназначался для обычного подхода, как справедливо замечает Михаэлис (*op. cit.*, p. 19). Объяснение Петерсена (*op. cit.*, p. 102), что Павсаний отложил упоминание знака трезубца до того момента, когда он увидел фрón внутри храма, является просто еще одним произвольным нарушением четкого заявления путешественника, которое дает все признаки упорядоченной естественной последовательности.

В этом месте следует обратить внимание на отверстие в полу паперти рядом со стеной и слева от двери. Это отверстие выходит в проход. Нильсон (*J.H.S.*, 1901, p. 328) принимает утверждение, сделанное в *Πρακτικὰ τῆς ἐπὶ τοῦ Ἑρεχθείου Ἐπιτροπῆς* (1853) § 25, что отверстие является современным, но поскольку на поверхности соседнего блока нет ни малейшего следа шрама, сделанного зубилом, можно с уверенностью сказать, что отверстие было вырублено до установки плиты на место, т.е. является частью подземного хода. То есть оно является частью подземной системы в этом месте, но попытка объяснить его не предпринималась.

Еще одна трудность содержится в словах διπλοῦν γάρ ἐστὶν τὸ οἶκῆμα. Упомянув алтари и картины в первой комнате, Павсаний переходит во вторую, заметив, что οἶκῆμα двойная, чтобы найти там (ἔνδον) колодец и следы (σῆμα или σῆμα) трезубца. В других отрывках, где Павсаний описывает двойные здания, естественная интерпретация заключается в том, что первая камера находится впереди, а фронт определяется входом во вторую, поскольку поперечные стены в погребках обычно располагаются под прямым углом к главной оси. Северный портик сразу же определяет эту ось в западной целле Эрехтеума. В *Paus.* VI, 20. 3, первая камера отмечена словами ἐν τῷ ἔμπροσθεν, вторая - ἐν τῷ ἐντός. По настоящему плану палаты οἶκῆμα Ἑρεχθείου находятся одна перед другой только для одного человека, который входит через маленькую дверь в западной стене. Для того, кто входит через любую из других дверей, палаты расположены рядом.

Общее возражение против всех теорий об Эрехтеуме состоит в том, что они приписывают непонятный порядок курсу, проделанному Павсанием. Те, кто считает, что он вошел в здание через северное крыльцо или крыльцо девиц, вынуждены верить, что он прошел через восточный вход только для того, чтобы вернуться наверх и войти позже в целлу Афины, а затем снова спуститься вниз, чтобы посетить Пандросеум. Те, кто считает, что Павсаний видел ксоанон Афины в Гекатомпедоне, также вынуждены заставлять Павсания удваивать свой курс и, кроме того, искажать значение συνεχής. Пандросей, в котором должен был стоять ναὸς Παρθένου, находится в тесной связи с Эрехтеем, а не с террасой Гекатомпедона, которая лежала выше и была еще больше отделена стеной, которая шла на

запад от крыльца девиц на фундаменте перистиля старого храма. Те, кто считает, что лестница соединяла восточную и нижнюю западную целлы Эрехтеума, не могут объяснить, почему Павсаний не вошел сначала в восточное святилище, а после описания его содержимого спустился в западную и нижнюю целлы, а затем перешел в Пандросеум. Короче говоря, нынешний план Эрехтеума согласуется с описанием Павсания *cum mula reperit*.

Трудности настоящего плана в свете надписи Чандлера и описания Павсания заставляют предположить, что интерьер Эрехтеума был восстановлен неверно и поэтому должен быть исследован заново.

Римский фундамент заслонил истину в храме, а именно фундамент, который, как говорят, поддерживал западную из двух внутренних стен. Этот фундамент, однако, лежит точно под тяжелыми блоками, которые были вставлены римлянами в качестве эпистиля ряда опор или колонн для поддержки крыши и которые служили преемником καρπύλη σελίς греческих времен (А. J. А., 1910, р. 291). Выветривание на северной стене помогает установить связь фундамента со вставленными блоками. Этот фундамент был использован для стены притвора церкви, в которую был превращен Эрехтейум, возможно, уже в V веке. Следы греческих стен, расположенных к востоку от северной и южной дверей, показывают, что если они и принадлежат греческой стене, стоявшей на нынешнем фундаменте, то эта стена опиралась не прямо на фундамент, а на его восточную часть. Из этих фактов можно сделать однозначный вывод, что фундамент был заложен не для греческой стены, каким бы ни был характер последней. Размер вставленных блоков доказывает, что римская работа была тяжелой и требовала тяжелого фундамента, такого, какой существует до самой скалы. Следы греческой стены, однако, показывают, что она поднималась на пять курсов выше ортостатов, а наличие καρπύλη σελίς выше доказывает, что эта низкая стена была только экраном и ни на что не опиралась. То, что фундамент римский, подтверждается при рассмотрении его характера, который представляет собой замечательный контраст с греческим фундаментом западной стены здания. Основание для римского фундамента не было тщательно подготовлено; к югу от центра отчетливо видны неровности подстилающей породы. Совсем другой характер имеет греческий фундамент. Скала была тщательно вырублена под него. Ярусы уложены равномерно, промежутки между блоками небольшие. Ни одно из этих замечаний не относится к римскому фундаменту, который является самым бедным в здании. Наконец, этот фундамент не связан с фундаментами северной и южной стен (рис. 6). Южный фундамент, кажется, соединяется с фундаментом внутренней стены, но при осмотре видно, что блок *poros*, о котором идет речь, был урезан теми, кто расширял цистерну. Изначально этот блок выступал внутрь, как и блоки *poros* в том же ходе, но к востоку от внутренней стены. Если бы фундамент внутренней стены был связан с фундаментом наружных стен, его греческий характер не вызывал бы сомнений.

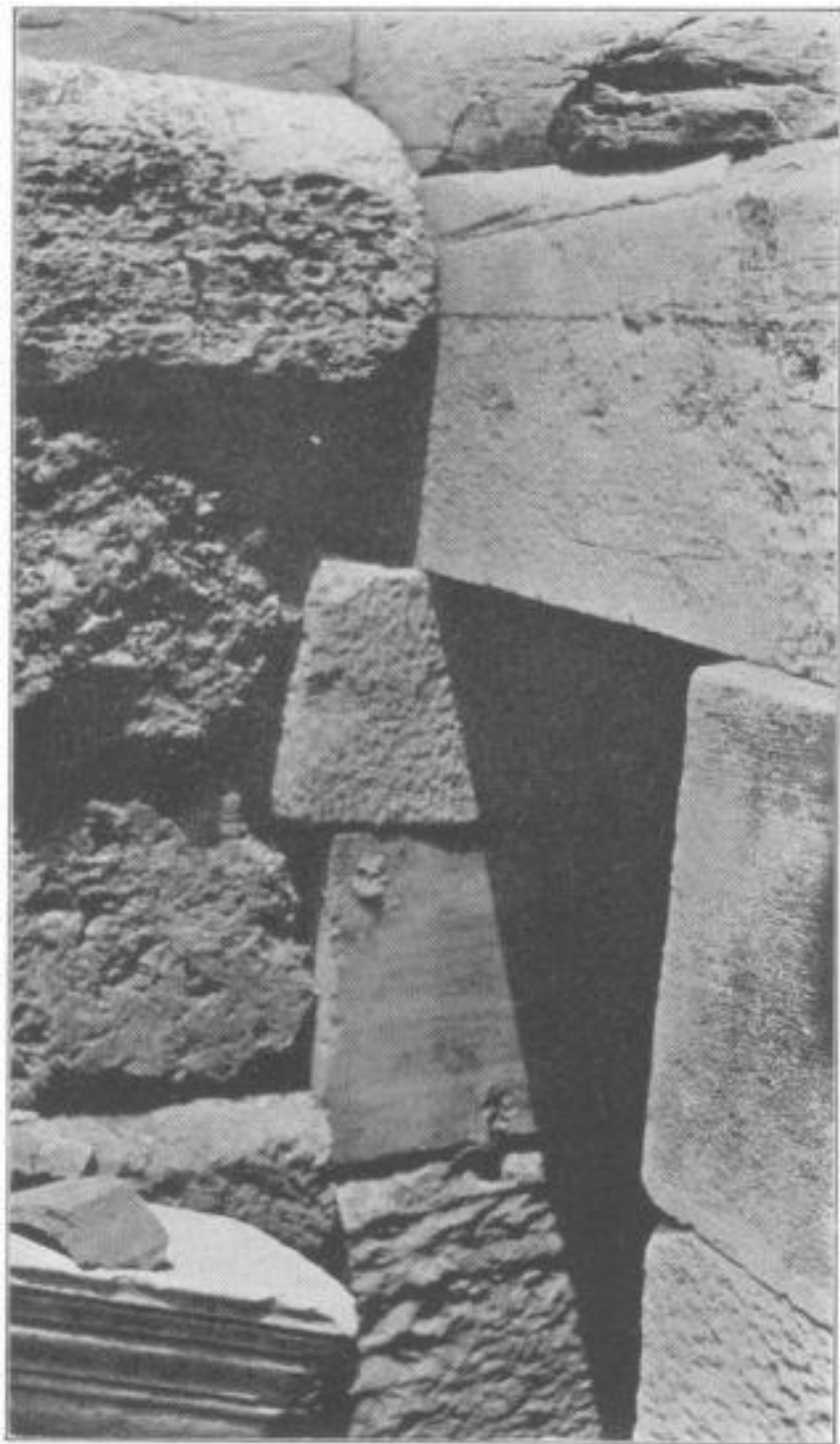

Рисунок 6

Вид на северный конец внутреннего фундамента W., показывающий, что он не связан с фундаментом северной стены

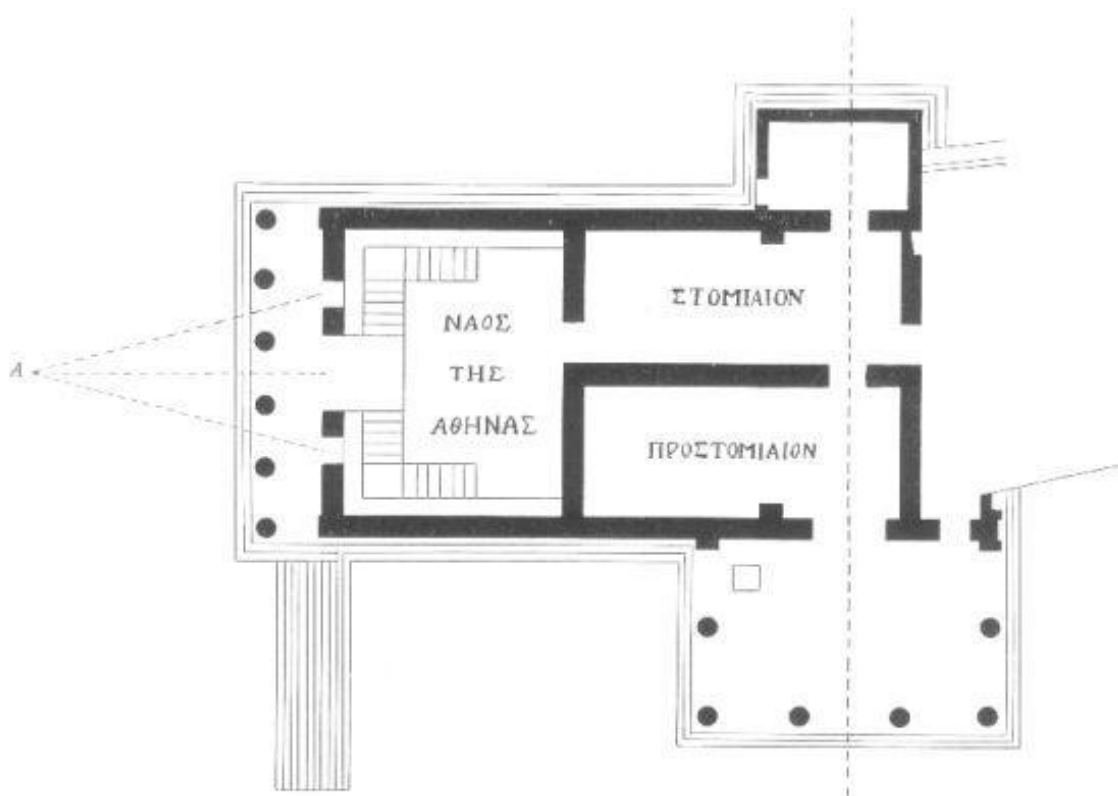

Рисунок 7

План Эрехтеума с изображением нового внутреннего устройства. Пунктирные линии от А показывают одновременную видимость окон с оси двери

Западная целла Эрехтеума, по всей вероятности, была разделена на две камеры стеной, идущей на восток и запад (рис. 7). Главным свидетельством этого в здании является то, что западная дверь Эрехтея не стоит посередине стены, что часто отмечается (Penrose, *The Principles of Athenian Architecture*, p. 88). Необычное расположение двери под колонной конструктивно нежелательно (Michaelis, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, p. 18). Если бы дверь располагалась посередине, она находилась бы прямо под центральным интерколумнием западной колоннады. Согласно новейшей теории (D'Ooge, *The Acropolis of Athens*, p. 201), положение двери определялось строением, примыкавшим к западной стене к югу от двери. Присутствие примыкающего строения, таким образом, можно приписать некой магической силе притяжения, которая перетянула дверь из ее нормального положения в структурно неприемлемое. Несимметричное положение двери, несомненно, определялось внутренней поперечной стеной, которая находилась к северу от двери и разделяла западную целлу на северную и южную камеры примерно одинакового размера. Дверь, соединявшая эти две камеры, скорее всего, находилась на оси северной и южной дверей храма (рис. 7), таким образом, очень близко к западной стене. Расстояние верхнего яруса, который не мог быть выше перемычки западной двери, составляло $8\frac{1}{4}$ фута над нижней частью ортостатов западной стены. Высота дверей, упомянутых в надписи Чандлера, составляет $8\frac{1}{4}$ фута. На этой поперечной стене нет следов соприкосновения с западной стеной. Однако следует отметить, что поверхность западной стены в этом месте сильно разрушена (рис. 8). Поверхность ортостата частично хорошо сохранилась, но ортостаты в месте контакта с внутренними стенами нигде не оставили никаких признаков такого контакта - никакого анатироза. Это особенно характерно для восточной поперечной стены, где предполагаемый более высокий уровень с восточной стороны позволил бы ожидать тщательного соединения с анатирозом (рис. 9). Если бы северная стена была разрушена до этого ортостата, не было бы никаких доказательств того, что поперечная стена когда-либо была в контакте с ней.

Ортостат рядом с дверью в западной стене не может быть использован в качестве доказательства против существования внутренней поперечной стены, идущей на восток и запад. Блоки над ортостатом сильно разрушены, за исключением одного, расположенного чуть ниже перемычки, на котором сохранилась часть первоначальной поверхности. Перемычка, как и ортостат, представляет собой блок высотой в два курса и, возможно, так же освобождена от каких-либо признаков контакта, насколько это возможно, с внутренней частью стены. Возможно, что ни один ход поперечной стены не соприкасался с западной стеной, поскольку первая была просто низкой перегородкой. Верхняя часть перемычки по линии стены отломана, так что здесь, как и в случае с блоками ниже, не может быть никаких следов зажимов. Не обращая внимания на примечательное положение двери, можно сказать, что внутренняя поверхность западной стены к северу от двери не может дать однозначных доказательств "за" или "против" существования этой внутренней поперечной стены. Убедительный ответ следует искать в простом описании Павсания, к тексту которого можно теперь обратиться (I, 26, 5). Новый план идеально вписывается в него.

Рисунок 8
Вид с северной стороны двери в западной стене

В первой комнате (ἔσθλθοῦσι) Павсаний обнаружил алтари Гефеста, Посейдона-Эрехтея и Бутеса, а также росписи Бутады. Пространство стены, освещенное прямо из западных окон, было прекрасно приспособлено для картин. Здесь было только две двери, и те на западных концах длинных стен. Здесь можно было разместить непрерывный ряд картин, в то время как трооториᾱῖον другого плана имел пять дверей и, следовательно, предлагал менее привлекательное пространство. Со словами διπλοῦν γάρ ἐστὶν τὸ οἶκμα Павсаний переходит в следующую комнату (ἔνδοον), где он нашел колодец с морской водой. Знаменательно название, которым Павсаний начинает свое описание: ἔστι δὲ καὶ οἶκμα Ἐρέχθειον καλοῦμενον. Он назвал храм по той части, в которую вошел первым, а через мгновение

говорит, что эта οἴκημα - двойная, то есть та, в которую он только что вошел. До этого момента нет никакого намека на Афины. διπλοῦν οἴκημα Эрехтея состояла из двух камер, расположенных одна за другой по отношению к крыльцу.

На новом плане фронт находится во внутреннем (ἐνδον) помещении οἴκημα у западной стены храма, где в более поздние времена и, вероятно, в греческие и римские времена накапливалась вода, тогда как на старом плане нет никаких указаний на наличие какого-либо колодца во внутренней камере. В настоящее время цистерна в западной части храма простирается от северной двери до южной, но есть свидетельства того, что первоначально, в греческие времена, она не простиралась так далеко на север. Непосредственно перед северной дверью мостовая состояла из тонких плит толщиной 0,13 м, которые проходили под тяжелыми блоками под ортостатами западной стены и входили в выемку в самом верхнем ходе фундамента порога. Тонкость покрытия не согласуется с теорией полого свода под полом. Должна была быть земляная засыпка, на которую опирался тротуар. Это подтверждает теорию о том, что первоначально меньшим местом для скопления воды в здании был юго-западный угол. Сток в юго-западном углу Северного крыльца, который отводил воду от крыльца Кариатид как до, так и после постройки нынешнего Эрехтеума, мог отводить излишки воды из фронтона. Возможно, что отсутствие фундамента под порогом двери в Крыльце Кариатид объясняется наличием там каменной кладки, которая окружала колодец и знак трезубца. Архитектор, не сумев добиться согласия на их удаление, был вынужден строить на них и поднимать дверь. Он поместил порог над нижней частью ортостатов, и положение этого порога, возможно, определило высокое положение ортостатов западной стены. Оба они расположены на одном уровне.

Во внутренней комнате Павсаний увидел знак трезубца, естественно, рядом с фронтом. Первое породило второе, согласно Аполлодору, III, 14, 2. Павсаний видел их не πρὸ τῆς ἐσόδου, а ἐνδον. Нет никаких оснований для того, чтобы отождествлять знаки в скале под северной папертью с трезубцем Посейдона, кроме общего согласия в недавние времена. Если знак трезубца находился внутри Эрехтеума, то какое божество сделало его снаружи, под портиком, знак, который, несомненно, был предметом культа? "Die Stelle welche Zeus mit seinem Blitze getroffen hatte, wurde mit einem Puteal umgeben und blieb unter freiem Himmel" (Dörpfeld, *Ath. Mitt.*, 1903, p. 467). Перед входом стоял алтарь Зевса Гипатуса. Совпадение места πρὸ τῆς ἐσόδου и ἐν τῇ προτάσει τῇ πρὸς τοῦ θυρώματος, где, согласно официальной надписи, стоял алтарь Тихея, перевешивает любые возражения против отождествления двух алтарей на основании различия имен в двух записях, ὁ βωμὸς τοῦ θυηχοῦ и Διὸς βωμὸς Ὑπάτου. Павсаний отходит от официальной терминологии строительных надписей. Ротонда в Эпидавре называлась в строительной надписи θυμέλη (ср. Savvadias, *Τὸ Ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἐν Ἐπιδαύρῳ* p. 50). Павсаний называл его θόλος. Официальное название Эрехтеума не встречается ни в литературе, ни в надписях, за исключением отчета комиссаров. Поэтому неудивительно, что Павсаний не назвал алтарь ὁ βωμὸς τοῦ θυηχοῦ. Это название не дает ни малейшего представления о боге, которому он был воздвигнут. Предположение Михаэлиса (*Jb. Arch. Inst.*, 1902, p. 17) о том, что алтарь мог быть алтарем Посейдона, вытекает из логической идеи сделать его алтарем того бога, который, как считается, сделал отметки в скале под крыльцом.

Рисунок 9

Вид на север по линии восточной внутренней поперечной стены. Вид, показывающий ортостат, который соприкасался с внутренней стеной, и шероховатую поверхность (X) коренной породы на линии последней.

Алтарь в северной паперти был посвящен Зевсу, и его присутствие здесь дает основания полагать, что отметины в скале под ним и квадратное отверстие в крыше над ним - это память о молнии, которую он метнул в Эрехтея, согласно Гигину (*Fab.*, 46). Ср. Петерсен, указ. соч., с. 72. Нельзя сказать, какая традиция более ранняя - та, что сохранилась у Гигина, или та, что у Еврипида (*Ion*, 281), согласно которой $\pi\lambda\eta\gamma\alpha\acute{\iota} \tau\rho\acute{\iota}\alpha\iota\nu\eta\varsigma$ поверг Эрехтея в $\chi\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha \chi\theta\omicron\nu\acute{o}\varsigma$ (Furtwängler, *Masterpieces*, p. 436, note 3). Существовало предание, что Зевс по просьбе Посейдона убил Эрехтея молнией, предание, которое становится тем интереснее в свете

надписи, найденной на Акрополе (Lolling, Δελ. Αρχ., 1890, p. 144), которая доказывает, что там существовал ἄβατον Διὸς Καταιβάτου. Камень с надписью был найден в средневековой стене к северу от северо-восточного угла Парфенона. Три поверхности фрагмента сохранились, показывая, что он был взят из угла, возможно, низкой стены, окружавшей ἄβατον. Одна сторона блока, выполненная из пентелийского мрамора, хорошо отполирована. Не сохранилось ни штифтов, ни зажимных отверстий, и невозможно восстановить размеры первоначального блока. Лицевая сторона с надписью конца IV века, по-видимому, была переделана, так как на ней видны следы зубила. Затем надпись могла быть переделана. Есть предварительное предположение, что этот фрагмент был частью бордюра вокруг отверстия в полу северного крыльца.

Зевс метнул молнию, которая разрушила покои Семелы в Фивах, и это место стало ἄβατον во времена Павсания (IX, 12, 4). Когда Зевс поразил Эректа молнией, место на Акрополе, куда ударила молния, также могло стать ἄβατον. Интересно отметить, что в Олимпии Павсаний (V, 14, 7) видел фундамент дома Энома и два алтаря: один - Зевсу Геркею, который, по-видимому, построил Эномай, а другой - Зевсу Керауносу, воздвигнутый позже, после того как молния разрушила дом. Лица и дворцы мифических царей, по-видимому, были излюбленной мишенью для громовой молнии Зевса. Предание, сохранившееся у Гигина, является иллюстрацией и побуждает искать в окрестностях Эректа какие-либо следы удара молнии.

Так же как и замечание схолиаста (после Аполлодора) о Софокле, *Oed. Col.*, 705, который говорит, что рядом с Академией был алтарь Зевсу Катайбату, которого также называли Мориосом: ἐστὶ ν ὃ τε τοῦ καταβάτου Διὸς βωμὸς ὃν καὶ Μόριον καλοῦσιν τῷ ἐκεῖ μοριῶν παρὰ τὸ τῆς Ἀθηνᾶς ἰερόν ἰδρυμένον. То, что Зевс Катайбат должен был называться Μόριος (μορία), указывает на некоторую связь с Афиной и оливой, которая, возможно, возникла на Акрополе. Означает ли это двойное имя, что Зевс "бессонных глаз" использовал молнию (καταιβάτης), чтобы отомстить за святотатство, которое человек совершил, посягнув на священную оливу (μορία), как предполагает мисс Харрисон, *Mythology and Monuments of Ancient Athens*, p. 599, или же ключ к объяснению дает отрывок из Павсания (IX, 12, 4)? Павсаний передает предание о том, что в то время, когда Зевс метнул молнию, разрушившую Семелу и ее брачный чертог, с неба упало бревно, которое Полидор украсил бронзой и назвал Дионисом Кадмом. Возможно, древнее изображение Афины, ксоанон из оливкового дерева, упавшее с неба, упало в тот момент, когда Зевс поразил Эректа, так же как деревянное изображение Диониса Кадма упало, когда Зевс разрушил Семелу. Если это так, то Зевс Катайбат, принеся на землю кусок священной оливы (μορία), очень естественно получил имя Зевса Мориоса.

Какой известный алтарь Зевсу в окрестностях Эректеума мог быть воздвигнут ему в качестве катаβάτης? В Пандросеуме был алтарь Зевса Геркея под оливой. Однако он не мог служить алтарем Зевса Катайбата, поскольку это были две разные фазы культа Зевса. Павсаний обнаружил у развалин дворца Энома в Олимпии алтарь Зевсу Геркею и Зевсу Керауносу (Катаибатесу). Перед входом в Эректа Павсаний обнаружил алтарь Зевсу Гипатусу рядом со священным углублением в скале, которое находилось под отверстием в крыше, и это не что иное, как алтарь Зевсу Катаибатесу.

Проход, который вел из этих углублений через фундамент в храм, предназначался не для поклонения, а для жреца по случаю. Здесь кроется возможное объяснение отверстия, которое открывается в проход рядом со стеной к востоку от главной двери. Возможно, это была своего рода трубка для подземных изречений. Возможно, под полом храма вызывали хтонического Эректа, а ответ жреца слышали сверху через отверстие.

Знак трезубца и колодец, уничтоженные при строительстве средневековой цистерны, находились в юго-западной части Эрехтеума. Таким образом, свидетельства, добытые Посейдоном в споре за землю, находились рядом с оливковым деревом Афины, которое стояло в Пандросеуме. Дверь в западной стене обеспечивала свободный доступ из одного помещения в другое.

Уже отмечалось, что в описании Эрехтея Павсаний не дает понять между словами ἑσέλθοῦσιν (I, 26, 5) и συνεχῆς (I, 27, 2), что он покинул здание, чтобы войти в храм Афины. За упоминанием колодца и знака трезубца следует сложноподчиненное предложение, первый член которого (μέν) подготавливает почву для более важного второго члена (δέ), рассказывающего о ἀγῶνιστον ... Ἀθηνᾶς ἄγαλμα. Здесь нет никакого разрыва в непрерывности рассказа и никакого нарушения упорядоченного продвижения, если Павсаний нашел средство сообщения между внутренней камерой διπλοῦν οἴκημα и ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς. Традиционная близость Афины и Эрехтея заставляла ожидать такого общения, и, следовательно, целла Афины, давшая официальное название храму, должна была иметь долю в великолепном северном портале, главном входе в здание. Попытки поднять восточный портик до достоинства πρόστασις ἢ πρός τοῦ θυρώματος неудовлетворительны. Так, Пенроуз (указ. соч., стр. 95): "Может показаться сложным объяснить, почему самый великолепный портик должен вести в подчиненное святилище, но восточный портик с шестью колоннами, хотя и меньшего диаметра, вряд ли был менее важным, а дверной проем не мог сильно уступать по ширине и высоте..... Разница в уровне также явно отдает предпочтение восточному участку". Эти соображения не оправдывают трудности и не уменьшают выдающегося великолепия северного крыльца. Помимо требований текста Павсания, есть еще один момент, на который следует обратить внимание. Из северного крыльца был выход в Пандросеум. Таким образом, северное крыльцо открывало вход в теменос, но не в восточную келью Афины, как утверждает современная теория.

Во внутренней камере, где Павсаний видел колодец, он должен был найти дверь, вторую из двух, упомянутых в надписи Чандлера, которая открывалась в восточную целлу (рис. 7). Осмотрев там предметы, он проследовал мимо колодца и трезубца и вошел через маленькую дверь в западной стене, в Пандросеум, где стоял храм, который был συνεχῆς τῷ ναῷ τῆς Ἀθηνᾶς. То, что Павсаний при приближении к Эрехтеуму называет его Ἐρέχθειον, а затем при отходе - ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς, не только вполне соответствует той стилистической тенденции, которую Роберт назвал *oratio variata* (*Pausanias als Schriftsteller* s.v.), но и имеет простое и естественное объяснение. Первым именем храма была названа западная часть, в которую он вошел первым и обнаружил, что она двойная; последним - восточная часть, которую он посетил последней. Название для всего храма было определено той частью, которая в то время занимала наиболее видное место в его мыслях. Он не дает ни малейшего намека на то, что Афина имела какую-либо долю в храме, пока не опишет содержимое διπλοῦν οἴκημα. Правильно говоря, западная часть здания была Эрехтеем, а восточная - храмом Афины; но название каждой половины распространялось на все здание, что было естественной тенденцией, давшей название Парфенону, и легко объяснимо в случае с Эрехтеем, учитывая традиционную близость двух божеств, зафиксированную у Гомера. Когда Павсаний во второй раз говорит о толосе в Эпидавре, он называет его не этим именем, а οἴκημα περιφέρές. Что касается собаки Филохора, то можно считать, что она просто прошла через Эрехтей в Пандросей (Petersen, *op. cit.*, p. 143).

В свое время была выдвинута теория, что лестница обеспечивала сообщение между западной и более высокой восточной целлой, но ряд соображений подтверждает тот факт, что они имели общий уровень. Убедительным аргументом является то, что в скале не

вырублена поперечная стена между двумя целлами, хотя эта порода залегает всего на 1-1,50 м ниже основания стены. На ее неровной и наклонной поверхности (рис. 9) нет ни единого следа основания для фундамента, которого требовала бы предполагаемая тяжелая поперечная стена. Скала не обнаруживает никаких признаков подготовки под фундамент. Утверждение о том, что от скалы откололись острия, абсурдно. Фундаменты внешних стен спускаются вниз и покоятся в таких ложах, примером тому служит западная стена. Те, кто считает, что тяжелая поперечная стена поддерживала балки крыши, а также служила стеной террасы для западной целлы, расположенной на 3 м ниже восточной, похоже, не задумывались о том, что для такой стены необходимо хорошо вырубленное в скале основание. Теперь восточная стена, самая тонкая в здании, имеет фундамент, который, хотя и состоит из восьми курсов тяжелых блоков *rogos*, покоится в глубокой выемке в скале. Под одним из блоков самого нижнего ряда лежит меньший блок *rogos*, который также покоится в глубокой выемке в скале. Почему бы и восточной внутренней поперечной стене не иметь вырубленное в скале основание, тем более что ее фундамент был таким мелким, всего два или три курса *rogos*, а не восемь, как в случае с восточной стеной? Единственная часть внешней стены, которая не покоится в вырубках в скале, находится в юго-западном углу, но там несколько курсов ниже перемычки двери опирались на какой-то предмет культа, что делало невозможным нормальное основание, в то время как вес выше перемычки опирался на тяжелый блок в западной стене и прочно основанной стене к востоку от двери.

Поборники общепринятого плана Эрехтеума должны объяснить поразительное несоответствие в конструкции двух внутренних поперечных стен. Западная, стена-экран (D'Ooge, *The Acropolis of Athens*, p. 202), которая достигала только пяти курсов над ортостатами и не поддерживала никакого другого веса, имела фундамент, который частично покоился в вырубках в скале, в то время как восточная внутренняя стена, которая доходила до самого потолка, поддерживала его вес, а также имела характер террасной стены, имела фундамент, который опирался только на грубую и наклонную скалу. Как объяснить это несоответствие?

Избежать несоответствия невозможно. Из фактов следует логический вывод, который делает Павсания понятным. Восточная поперечная стена не могла доходить до потолка, за исключением тех концов, где блоки входили в боковые стены и разделяли их фундамент. Вывод о том, что эта стена по всей своей длине должна была быть такой же высоты, как и следы на боковых стенах, совершенно излишен. За исключением торцов, эта стена была такой же высокой, как и другие перегородки, и, как и они, не выдерживала никакого веса. Пилястры уменьшали пролет в тридцать футов, возможно, на два фута и вместе с внешними стенами служили опорой для тяжелой поперечной балки. Стены-пилястры не были неизвестны в греческой архитектуре, о чем свидетельствуют храмы Аполлона в Бассе и Гереум в Олимпии (Frazer, *op. cit.*, III, p. 589).

Павсаний вошел в целлу Афины из целлы Эрехтея, не поднявшись ни на одну ступеньку. Поскольку все внутренние помещения Эрехтея находились на одном уровне с северным порталом, нет необходимости утверждать, что, придя с востока, он должен был сначала войти в целлу Афины. В полном соответствии с новым планом интерьера находится простая последовательность топографических указаний в его описании: (1) πρὸ τῆς ἐσόδου, (2) ἐσελθοῦσιν, (3) ἔνδον (διπλοῦν γάρ ἐστὶν τὸ οἶκημα), (4) ἀγιάτων ἄγαλμα (cf. ὁ νεὼς ἐν ᾧ τὸ ἀρχαῖον ἄγαλμα), (5) τῷ ναῷ δὲ τῆς Ἀθηνᾶς Πανδρόσου ναὸς συνεχής.

А как же выступающие пористые фундаменты восточной и южной стен и незавершенная поверхность северной стены, которые всегда с готовностью подтверждали теорию о более высоком уровне целлы Афины? Конечно же, они не были видны. Они должны были быть

скрыты за мраморными полками на севере и юге и мраморными полками и ступенями на востоке (рис. 7). Строители Эрехтеума были экономны: они использовали фундамент перистилия Гекатомпедона, насколько это было возможно, а затем добавили блоки из пороса, чтобы завершить фундамент южной стены своего храма. Потребность в мраморной стене за южной полкой была не больше, чем в мраморном полу под пьедесталом статуи в Парфеноне. Эти полки были удобны для экспозиции многочисленных предметов, хранившихся в целле, которая была религиозным музеем. Поверхность мраморных стен не сохранилась на достаточную высоту, чтобы показать, были ли какие-либо следы контакта с верхней частью полки, так же как они не могут дать положительных доказательств наличия пола на более высоком уровне.

В связи с этим следует отметить своеобразный разрез в ортостате в юго-восточном углу храма. Вырез находится во внутреннем углу и сделан так, что ортостат мог быть установлен в этом месте на горизонтальной поверхности, уходящей внутрь. Была ли эта горизонтальная поверхность уровнем пола? Был ли пол восточной целлы приподнят на одну ступеньку над порогом, как утверждает Д'Уге (*op. cit.*, p. 207)? Это маловероятно, поскольку уровень пола в таком случае был бы выше основания ортостатов. Горизонтальной поверхностью была верхняя часть полки, так как ее вертикальная плоскость имела бы ячейки той же высоты, что и обычные стеновые блоки. Существует римский блок длиной 10 футов и высотой 1½ фута, который христиане использовали в качестве базового камня для иконостаса, когда превратили Эрехтей в церковь. У него была какая-то лепнина на основании, которую христиане откололи. Этот длинный блок, вероятно, составлял часть нижнего яруса облицовки полки. Тот факт, что его размеры соответствуют размерам $\gamma\omicron\gamma\gamma\upsilon\lambda\omicron\varsigma\ \lambda\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\theta\epsilon\omicron\varsigma,\ \acute{\alpha}\nu\tau\acute{\iota}\mu\omicron\rho\omicron\varsigma\ \tau\alpha\acute{\iota}\varsigma\ \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}\kappa\rho\alpha\nu\acute{\iota}\tau\iota\varsigma\iota\nu\ \mu\epsilon\acute{\kappa}\omicron\varsigma\ \delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\pi\omicron\varsigma\ \upsilon\phi\omicron\varsigma\ \tau\rho\acute{\iota}\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\mu\pi\omicron\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ (*I. G.*, I, 322, col. 1) вызывает подозрение, что римский блок просто заменил греческий, который по своему положению в основании стены "соответствовал" $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}\kappa\rho\alpha\nu\acute{\iota}\tau\iota\delta\epsilon\varsigma$ в ее верхней части.

При осмотре фундамента восточной стены обнаруживается интересная особенность, которая непонятна, если целла Афины имела более высокий уровень пола, чем западная целла. В северо-восточном углу мраморный блок северной стены обрезан до линии западной грани фундамента пороса (рис. 10). Если мраморный блок был погребен под полом, почему он был так тщательно обрезан? Можно объяснить это тем, что срез был сделан при перестройке храма в церковь. Но высечка более тщательная, чем та, что была сделана в то время в Эрехтеуме. Когда восточная перегородка была удалена, на боковых стенах остались грубые следы от нее. Обработка данного блока отличается греческой тщательностью, и, вероятно, резка была сделана для того, чтобы получить плиту мраморной облицовки, которая скрывала фундаментные блоки восточной стены.

Рисунок 10
Северо-восточный угол целлы Афины

Есть еще одно серьезное препятствие на пути тех, кто считает, что восточная целла была выше, чем западная. Южная стена храма имела ортостаты снаружи, но не имела их внутри, где их место занимали стеновые блоки обычной высоты. Эти блоки были легко вырваны и с тех пор полностью исчезли. В западной камере ортостаты были бы нелогичны, поскольку находились бы высоко над уровнем пола, но в восточной целле, если бы она находилась на уровне восточного портика, ортостаты были бы использованы. Поскольку за ортостатами южной стены западной целлы находились стеновые блоки, то вполне можно было бы ожидать ортостаты за стеновыми блоками северной стены восточной целлы, если бы эта целла находилась на уровне восточного крыльца. Однако совершенно точно, что это было не

так. Выемчатая форма ортостата у северо-восточного угла храма показывает, что он соприкасался с двумя курсами стеновых блоков обычной высоты в северной стене. Таким образом, восточная целла, если она находилась на уровне своего крыльца, странным образом не имела внутренних ортостатов в северной и южной стенах. Но если эта келья находилась на уровне западной, то отсутствие сразу становится понятным. Отсутствие ортостатов на предполагаемом более высоком уровне пола восточной целлы в сочетании с отсутствием какой-либо вырубке для фундамента стены между целлами доказывает теорию, которая находится в полной гармонии с простой последовательностью в описании Павсания.

Теория одного уровня внутри Эрехтеума, кажется, противоречит и опровергается найденными Стивенсом доказательствами наличия двери в восточной стене (А. J. А., 1906, р. 58 ff.). Противоречие не обязательно, так как лестница в восточном конце целлы Афины вполне возможна. Строительство апсиды для церкви в восточной части храма потребовало удаления ряда фундаментных блоков, которые могли бы свидетельствовать о наличии ступеней. Однако вполне возможно, что фундамент для ступеней, которые не должны были опираться на скальные выемки, был просто положен на фундамент восточной стены, а не вбит в него. Лестница нарисована на плане (рис. 7). Идею лестницы в восточной части целлы иллюстрирует храм в Дидиме. Восточная дверь Эрехтеума не была обычным, не предназначенным для входа в целлу Афины, но служила традиционным восточным входом, к которому был обращен ксоанон. Павсаний, как и другие посетители, входил через *πρόστασις ἡ πρὸς τοῖς θυσιαστήριον*, главный вход в храм.

Интересно отметить некоторые свидетельства, которые показывают, что в период до превращения Эрехтеума в христианскую церковь внутри здания не было разницы в уровне, а именно: массы бутовой кладки, которые были расположены близко к северной стене на примерно равном расстоянии от восточной поперечной стены. Они прочно опираются на скалу и доходят почти до основания ортостатов. Вдоль южной стены они не имеют аналогов. Прямо над одной из масс возвышалась стена северного нефа церкви. Ее порог сохранился до сих пор. Эти тяжелые фундаменты и внутренние продольные стены церкви не могут быть современными. Последних было достаточно, чтобы выдержать вес крыши церкви; а стена-экран в нефе, поскольку она частично покоится на земляном наполнителе, показывает, что тяжелый фундамент из бутовой кладки под ней перестал служить какой-либо цели после того, как церковь была построена. Он находился там до этого времени и, следовательно, должен был быть заложен в римский период, когда уровень внутри храма был таким же.

Любое обсуждение качества изготовления этой массы камней и раствора не имеет отношения к вопросу о ее дате и дате порога над ней. Дело в том, что эта кладка появилась раньше христианской церкви и ставит в неловкое положение сторонников более высокого уровня для восточной целлы в период до превращения храма в христианскую церковь. Этот фундамент вполне объясним в свете теории о том, что в греческие времена внутри храма был только один уровень. Каково было назначение этой бутовой кладки, остается неясным. Основательный и прочный характер этих масс заставляет предположить, что они служили фундаментом для опор или столбов, которые доходили до верха соседней стены и вместе с ней поддерживали тяжелые поперечные балки, перекинутые через целлу с севера на юг. Возможно, эта идея пришла к римлянам от греческой пилястры, которая, как отмечалось выше, лежала примерно посередине между массами бутовой кладки. Таким образом, это было, по-видимому, устройство для уменьшения пролета от северной до южной стены. Тот факт, что эта кладка была заложена до периода строительства церкви, имеет гораздо большее значение, чем ее назначение.

Новый план Эрехтеума интересен в свете надписи Чандлера. Если считать, что великолепное северное крыльцо определяет фронт здания, то первое помещение представляет собой удовлетворительный *προστομίαϊον* и находится перед (*πρό*) * *στομίαϊον*, в котором находился важный объект культа, *φρέαρ* (*στόμιον*). Можно установить следующую пропорцию : *πρόναος* : *ναός* :: *προστομίαϊον* : * *στομίαϊον*. Предполагается, что *Προστομίαϊον* и * *στομίαϊον* были официальными названиями в V веке для двух палат *διπλοῦν οἴκημα* Павсания.

Порядок, которого придерживались члены комиссии в своем отчете о незаконченных внутренних стенах, был следующим: В первой комнате, куда входят из *θύρωμα*, *προστομίαϊον*, было 12 тетраподий *ἑκατάχσεστα*. Фраза *ἐν τῷ προστομίαϊῳ* говорит в пользу версии, что имеется в виду не одна, а несколько стен. Затем во внутренней камере 3 тетрапода *παραστάς*, [7], т.е. та часть стены-перегородки, которая находится к востоку от двери в западной целле. Затем в третьем помещении 6 (?) тетраподов стены *πρὸς τὸ γάλματος*. Порядок, в котором камеры были обследованы на предмет недостроенных стен, соответствует порядку, в котором Павсаний описывал их содержимое.

Новый план снова соответствует списку сокровищ 306/5 г. до н. э. (I.G., II,²733).

Примечательной особенностью надписи является то, что в ней упоминаются три *παραστάδες*, сначала один, а затем пара, по одному с каждой стороны двери. Одиночный *παραστάς*, который упоминается первым, - это опять же часть перегородки к востоку от двери в западной целле. Эта дверь находилась у западного конца стены, так что пространство между ней и западной стеной храма было незначительным. Поэтому для входящего через эту дверь слева был *παραστάς*, а справа - нет. Однако когда он входил в *ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς* через дверь, которая находилась немного южнее середины стены (и напротив двери в западной стене храма), у него был *παραστάς* слева, а также справа. *παραστάδες* - это внутренние стены по обе стороны от двери, которая в Эрехтеуме возвышалась над ортостатом всего на пять ярусов. Картины, которые Павсаний нашел в первой комнате, говорят в пользу того, что сокровища, висевшие на *παραστάσε*, находились на южной стороне этой стены - то есть во второй комнате *διπλοῦν οἴκημα*. Существует ли порядок в перечислении сокровищ - это вопрос. Если есть, то он естественно начинается с сокровищ, впервые увиденных после входа из *πρόστασις ἢ πρὸς τοῦ θυρώματος*, так же как запись комиссаров в случае внутренних стен начинается со стен в первой комнате, так же как описание Павсания начинается с содержимого первой комнаты. Это совпадение поразительно и не относится ни к одной другой теории о храме.

Из этого толкования вытекает, что некоторые сокровища находились в западной части Эрехтеума. Возможно, тогда что-то можно сказать в пользу схолиаста Аристофана, *Plutus*, 1183 (читая *οἶκος* вместо *τοῖχος* и помня о *διπλοῦν οἴκημα* из описания Павсания): *ὀπίσω τοῦ νεῶ τῆς καλουμένης Πολιάδος Ἀθηνᾶς διπλοῦς οἶκος (τοῖχος) ἔχων θύραν, ὅπου ἦν θησαυροφυλάκιον*. Слова *ἔχων θύραν* указывают на то, что схолиаст хотел провести различие между *διπλοῦς οἶκος*, две части которого были соединены дверью, и другим типом, две части которого не были так соединены, но отдельно входили извне. Павсаний, кажется, приводит пример последнего в II, 25, 1. Уайт (*Harvard Studies*, Vol. VI, p. 39) относит схолию к восстановленной западной части Гекатомпедона, но не обсуждает значение *ἔχων θύραν*, которое Михаэлис не смог объяснить. В так называемом опистодоме Белого, к какой двери из трех возможных схолиаст обращается? Три камеры его опистодомуса не удовлетворяют требованиям *διπλοῦς οἶκος* - чтения, которое он принимает (*op. cit.*, p. 4, note 3). Более разумным представляется толкование, согласно которому схолиаст имел в виду западную целлу Эрехтеума, в которой, по-видимому, находились какие-то сокровища, и что он использовал слова *νεῶς καλουμένης Πολιάδος Ἀθηνᾶς* в более строгом смысле, подобно тому

как Павсаний называл восточную целлу ναὸς τῆς Πολιάδος (I. 27. 1), а διπλοῦς οἶκος считал лежащим за ней. νεὺς τῆς Ἀθηνᾶς был ориентирован на восток, а то, что находилось непосредственно на западе, было позади него. Но не следует думать, что западная целла Эрехтеума когда-либо называлась опистодомом. Однако схолиаст, похоже, имеет в виду древнейший храм Афины.

Есть один, возможно, незначительный момент, который заслуживает отдельного слова. Одна из картин, изображающая Эрехтея, едущего на колеснице, была написана, согласно схолиасту по Аристиду, I, 107, 5, позади богини. Возможное толкование заключается в том, что картина находилась в келье Афины на стене за ксоаном, а картины Бутады были в первой комнате, в которую вошел Павсаний. Если только росписи Эрехтея не были отделены от росписей Бутады, то новое расположение интерьера позволяет удовлетворительно разрешить эту проблему. Ведь восточная стена комнаты, в которой находились картины Бутады, была позади богини. Согласно старому плану, Павсаний нашел картины в западной камере διπλοῦν οἶκῳ, то есть между ними и стеной, против которой стоял ксоанон, была камера. Этот отрывок может означать, что на картине Эрехтея появился позади Афины, управляющей колесницей (Petersen, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, p. 64; *Burgtempel*, p. 110). В последовательности слов в предложении, ἐν τῇ ἀκροπόλει ὀπίσω τῆς θεοῦ, вторая фраза кажется более близким определением места, чем та, что дана в первой. Кроме того, место определялось по отношению к ксоанону. Внутренняя стена располагалась по отношению к нему, τὸ πρὸς τὸ γάλατος. Схолиаст об Аристофане, *Equites*, 1169, интересен в этой связи тем, что он показывает, какую роль может играть статуя в обозначении храма: δύο εἰσὶν ἐπὶ τῆς ἀκροπόλεως Ἀθηνᾶς ναοί, ὁ τῆς Πολιάδος καὶ ἡ χρυσελεφάντινη.

В свете нового устройства Эрехтеума становится более понятным упоминание Витрувия (IV, 8, 4) об этом храме. Говоря о нем и других храмах, он говорит: "cellae enim longitudinibus duplices sunt ad latitudines uti reliquae, sed is omnia quae solent esse in frontibus ad latera sunt translata" (Petersen, *Burgtempel*, p. 144). Если бы погребальная камера Афины была полностью отделена от погребальной камеры Эрехтея и находилась на более высоком уровне, он не мог бы обоснованно сказать о погребальной камере храма, что она вдвое длиннее, чем ширина, как у других храмов. Ведь тогда целлы Афины и Эрехтея должны были рассматриваться отдельно. На новом плане такое утверждение применимо с большей силой, поскольку низкие перегородки можно было бы легко проигнорировать. Второе утверждение показывает, что Витрувий считал восточный фасад храма парадным и обычным местом входа, но в случае с Эрехтеем он и более сложное крыльцо были перенесены на то место, которое в других храмах было бы боковым. Как говорит Петерсен (указ. соч., с. 143), слова "columnis adiectis dextra ac sinistra ad umeros pronai" - это явная ссылка на северное крыльцо. Это тоже, по-видимому, тот πρόναος, на который ссылается Лукиан у Пискатора, 21: ἐνταῦθα που ἐν τῷ προνάῳ τῆς πολιάδος δικάσωμεν. Ἡ ἱέρεια διάθες ἡμῖν τὰ βάθρα, ἡμεῖς δὲ ἐν τοσοῦτῳ προσκυνήσωμεν τῇ θεῷ. Такое толкование полностью соответствует фундаментальному утверждению, что πρόστασις ἢ πρὸς τοῦ θυρώματος определяет фасад здания.

Теория, изложенная на этих страницах, прекрасно согласуется с описанием Павсания. Она подтверждается свидетельствами надписей и самого здания, насколько это возможно. Серьезной критикой принятого плана Эрехтеума является то, что все теории, основанные на нем, не согласуются с письменными свидетельствами, причем не с одной письменной записью более позднего периода, как простой рассказ Павсания, а с другой записью, сделанной на столетия раньше, а именно с современной официальной надписью. Исследователи пытаются решить проблему, принимая восстановленный интерьер как несомненный. Основная идея настоящей теории заключается в том, что интерьер храма был

слишком сильно разрушен, чтобы сделать какую-либо одну реставрацию абсолютно определенной на основе свидетельств одного только здания, и что все имеющиеся свидетельства должны использоваться одновременно для определения правильной реставрации.

IV

ЭРЕХТЕУМ В ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ

Вопрос о первоначальном плане Эрехтеума естественным образом вытекает из интерпретации здания в том виде, в котором оно было построено. То, что западная стена была запланирована на своем нынешнем месте, кажется маловероятным по ряду причин. Северное крыльцо непропорционально помещению, в которое оно открывается, и, выходя за западную стену храма, частично становится крыльцом открытого участка. Западный фронто́н имеет колонны и кариатиды на разных уровнях (Dörpfeld, *Ath. Mitt.*, 1904, p. 101). Неприятный эффект этого различия не могли скрыть стены Пандросеума, южная из которых достигала такой же высоты, как парапет крыльца девиц. Последнее крыльцо иллюстрирует мастерство архитектора в сокрытии перепадов уровня. Уникальная закрытая стена, на которой стоят девы, была его приемом, чтобы скрыть от посторонних глаз дверь, которая находилась ниже уровня крыльца и относилась к интерьеру, в то время как крыльцо относилось к экстерьеру. Расположив вход на крыльцо в северо-восточном углу вплотную к стене, архитектор полностью скрыл наличие низкой двери. С этой заботой о том, чтобы скрыть разницу в уровне, западная сторона храма заметно контрастирует.

Северо-западный угол западной целлы своеобразен в двух отношениях. Западный косяк двери врезается в западную стену храма на 3½ см. Это говорит о тесноте и удовлетворительно объясняется состоянием фундамента под ней. Фундамент западной стены не совпадает с фундаментом северной стены (рис. 11), что, по-видимому, доказывает, что при закладке последнего фундамента архитектор не имел намерения располагать фундамент по линии нынешней западной стены и втискивать дверной косяк в эту стену.

На симметричный экстерьер, предложенный профессором Дёрпфельдом, указывает тот факт, что северная и южная двери имеют одну и ту же ось, а крыльцо Кариатиды - нет. Кажется, что крыльцо было немного сдвинуто к востоку от своего предполагаемого места, чтобы оно не выступало за западную стену, но не настолько далеко, чтобы карниз крыльца не выступал.

Сама западная стена свидетельствует о сокращении первоначального плана. В качестве вступления давайте сравним восточный фасад, который является греческим, с западным фасадом, часть которого над закрытой стеной является римской (*Arx Athenarum*, Pl. XXV, D, и A. J. A., 1906, Pl. VIII). Окна в восточной стене, которые Стивенс определил с точностью, располагались на высоте четырех рядовых курсов над цокольной лепниной и двух курсов от верха стены, как и римские окна в западной стене. Второй курс над восточными окнами был с лепниной, а соответствующий курс над западными окнами был простым, вероятно, из-за соседних капителей. Под обоими наборами окон располагались три курса блоков. В восточной стене ортостаты были оправданы, в западной стене они были бы нелогичны, поскольку ни с одной стороны не было пола, но три курса, равные по высоте четырем обычным курсам, были размещены там. Стивенс показал, что восточные окна были высотой в семь курсов, включая перемычку. Высота западных окон - пять курсов. Разница в высоте объясняется просто. Восточная стена была высотой в тринадцать курсов, западная - в одиннадцать. Западные окна были на два курса короче, чтобы они и их аналоги, восточные

окна, были равноудалены от основания стены, а именно на четыре обычных курса, и от верха стены, а именно на два курса. Тот факт, что подоконники греческих окон были на метр ниже, чем римских, не имеет никакого значения. Очень важно то, что восточные и западные окна занимали одинаковое относительное положение на фасаде. Стилобат западного фасада не мог быть расположен так низко, как восточный, из-за двери и необходимости тяжелого блока высотой в три курса на южном конце стены. Этот блок не мог быть расположен ниже из-за Сескортіум (= храм Пандроса?), который пересекал линию стены, судя по вырезам в ней под тяжелым блоком. Если бы архитектор желал равенства высоты восточной и западной колоннад, он был бы вынужден поместить стилобат западных двух курсов ниже. Это сделало бы невозможным размещение двери в этой стене, что было необходимо, вероятно, по соображениям культа.

Рис. 11

Внутренний северо-западный угол Эрехтеума. Современная кладка под северным концом западной стены

Поэтому в римские времена западные окна размещались с учетом восточных. Между колоннами в каждом случае появлялись окна, два в восточной стене с дверью между ними, три в западной, где дверь была невозможна. Оба фасада были увенчаны эпистилем, фризом и фронтоном. Стена под западной колоннадой была заменена более высоким уровнем земли на восточной стороне. Римляне, ремонтировавшие стену, ремонтировали ее с учетом восточного фасада. Для них западный фасад был просто комбинацией стены с окнами и колоннады. Если у греков западный фасад не состоял из колонн и стены с окнами, по сути, как при римской реставрации, то мы вынуждены сделать странное предположение.

Греческий архитектор задумал объединить стену с колоннадой в одной плоскости, а затем, вместо того чтобы довести свою идею до конца, установил деревянную решетку в интерколумниях над низкой стеной из трех ярусов, решетку, которая ничего не дает на восточном фасаде, а затем предоставил римлянам использовать его идею, разместив там три окна.

Единственным препятствием для совершенно естественного предположения, что римляне восстановили основные черты западной стены в том виде, в каком она была в греческие времена, является свидетельство современной надписи (I. G., I, Suppl., 321. col. III, 18) о том, что некоему Комону, плотнику, было заплачено 40 др. за "ограждение" (διαφάρχσαντι) четырех интерколумниев на стене в сторону Пандросеума: διαφάρχσαντι τὰ μετακίονια τέτταρα ὄντα τὰ πρὸς τὸ Πανδρῶσεῖο. Принятое толкование этого отрывка заключается в том, что деревянная решетка была окончательной формой западной стены и оставалась таковой до римских времен. Возражение против такой интерпретации состоит в том, что тогда мы должны поверить, что греческий архитектор планировал деревянную решетку для мраморного здания в стене, подверженной воздействию стихий, где время от времени требовался ремонт, и что только в римский период произошел переход на более прочный мрамор. Вероятно, деревянная решетка была временной и вскоре была заменена стеной с окнами. Как бы ни интерпретировалась надпись, факт остается фактом: нынешняя форма западной стены - это реставрация, выполненная с учетом восточного фасада. Это изученная реставрация, которая не является произвольным творением IV века н. э., как считает Пенроуз (*op. cit.*, p. 93), а слишком оригинальна для римского периода. Подражание - римское, идея - греческая. Та же идея выражена в сидонском саркофаге скорбящих женщин, аттической работе около 350 года до н. э. Иллюзия, создаваемая саркофагом, - это женские фигуры, стоящие между колоннами перистиля храма (Hamdy Bey-Reinach, *Une Nécropole Royale à Sidon*, p. 241). Западный фасад в греческие времена, как и в римские, был просто сжатием в одной плоскости колоннады и стены - комбинация, к которой архитектора вынудило сокращение его плана.

Почти наверняка первоначальный план архитектора предусматривал здание с восточным и западным портиками, равноудаленными от северного портика, как утверждает профессор Дёрпфельд. Восточный и западный фасады должны были быть совершенно одинаковыми, но, будучи лишенным религиозным консерватизмом возможности строить на месте Цекропиума и Пандросеума и вынужденным отказаться от западной половины первоначального здания, архитектор стремился сохранить сходство восточного и западного фасадов. Поскольку он не мог построить проектируемый западный портик на той линии, к которой его вынудили вернуться, то в качестве замены он разработал идею размещения всех основных элементов западного портика в одной плоскости - базы колонн и базовая лепнина стены, колонны и стена с окнами, фриз и фронтоны. Низкая стена самой южной интерколумнии, которая по какой-то причине не была полностью закрыта, имела высоту в три яруса. Северные интерколумнии были полностью закрыты, как в римские времена, а в центральных - окна опирались на три яруса, равные по высоте четырем обычным греческим ярусам.

Наверное, именно стремление к близкому сходству между двумя фасадами не позволило ни греческому, ни римскому архитектору разместить под западными окнами четыре нормальных курса. Переход от блоков стандартной высоты привел к осложнению, поскольку в западной стене было одиннадцать обычных курсов вместо двенадцати, что дало бы ровно девять курсов более высоких блоков. Восточные окна были одновременно видны между колоннами с точек, расположенных по оси двери (рис. 7). Естественно предположить, что

такими же должны были быть и окна первоначального западного фасада. Сокращение плана, вынудившее архитектора разместить сжатый западный фасад на высоком цоколе, устранило дверь. Естественной заменой стало третье окно.

Эта теория относительно композиции западной стены предлагает интерпретацию необычной конструкции в верхнем юго-западном углу храма (А. J. А., 1908, p. 191, fig. 2, и p. 194, fig. 6; 1910, p. 297, fig. 3). Там южная стена была уменьшена до половины своей обычной толщины, и эта более тонкая стена была фланкирована с востока метопом, который частично опирался на квадратную горизонтальную плиту. Назначение этого метопа остается неясным.

Как уже отмечалось, в намерения архитектора входило закрыть южное и северное междуколонье западной стены, но ему помешали, очевидно, по каким-то религиозным причинам. Теперь кажется весьма вероятным, что необычная конструкция на углу является результатом попытки построить запасную стену для той, которую нельзя было поместить в южном интерколумнии. В пользу этого объяснения говорят два соображения. Во-первых, горизонтальная плита наклонена в сторону проема. Определенно, этот наклон предназначался для отвода дождевой воды. Во-вторых, следы на южной стене показывают, что метоп был соразмерен по высоте с проемом и выступал вдоль восточного края горизонтального перекрытия. Эпистиль метопа, который фигурирует в реставрации (А. J. А., 1908, fig. 6, p. 196), является чисто предположительным и может быть исключен. Но как далеко этот метоп выступал в здание? Был ли он соэкстенсивным по ширине, а также по высоте с проемом? Расстояние, на которое метоп выступал в здание, точно не известно. В реставрации он указан как один фут, но это расчет, основанный на сочетании вероятностей. Очевидное положение для защиты от дождевой воды, если оно должно было быть успешным, требует продления метопы до внутреннего угла горизонтального перекрытия. Но эта плита без опоры не могла нести мраморный метоп. Это затруднение заставляет предположить, что метоп был частично из более легкого материала.

Помимо того, что предполагаемый метоп служил для защиты от дождя, он также являлся аналогом северной интерколумнии, если смотреть на фасад с запада. Увеличение веса за счет метопона и горизонтального перекрытия потребовало уменьшения веса южной стены из-за ее ненадежного фундамента. Идея, вкратце, заключается в следующем. Как в случае, когда архитектору не позволили разместить западный фасад там, где он хотел, и он отступил на линию, на которой ему разрешили построить его в неизбежно измененном виде, так и в случае, когда он не смог построить стену в южном интерколумнии этого фасада, он отступил еще дальше назад и построил замену на линии, которую разрешили. Возникший таким образом дополнительный вес отчасти стал причиной истончения ненадежно заложенной южной стены.

Профессор Дёрпфельд считает, что Цекропиум заставил архитектора расположить нынешнюю западную стену на 1 м восточнее той линии, на которой она должна была стоять по первоначальному плану (*Ath. Mitt.*, 1904, p. 105). Поэтому он рассматривает эту стену как внутреннюю часть первоначального симметричного храма. Согласно выдвинутой здесь теории, западная стена - это первоначальный западный фасад, сжатый в одну плоскость и расположенный на линии, до которой архитектору было разрешено строить. Западная стена доперсидского Эрехтеума, похоже, находилась примерно на той же линии, если судить по изображению ее и расположенной рядом оливы в архаичной педиментальной скульптуре, на которую уже делалась ссылка (Petersen, *Burgtempel*, p. 22, abb. 2). Как архитектор Пропилеев планировал прорубить пеласгическую стену и построить на участке брауронской Артемиды, но когда он перешел к закладке фундамента, его остановила стена, так и современный архитектор Эрехтея планировал симметричный храм, западная часть которого должна была

занять участок Пандроса и Цекропса, но когда он перешел к реальному строительству, его остановил тот же религиозный консерватизм. Форма нынешней западной стены настолько похожа на первоначально запланированный западный фасад, насколько это мог сделать архитектор. Восточный и западный фасады должны были быть равноудалены от северного крыльца и от крыльца Кариатиды, которое должно было нарушить монотонность длинной задней стены.

Обнаружив в западной стене сжатый фасад первоначально симметрично спланированного Эрехтеума, хочется узнать, не привело ли сокращение этого плана к скученности культов внутри храма в том виде, в котором он был построен. Уже отмечалось, что северное крыльцо создает ощущение, что оно должно было быть и было задумано как крыльцо в интерьер большего размера, чем нынешний план. Теперь *таласса* и знак трезубца были неподвижны, но картины Бутады и три алтаря были подвижны. Вполне вероятно, что загромождение западной половины нынешнего Эрехтеума было вызвано теснотой камеры с тремя алтарями Посейдона - Эрехтея, Гефеста и Бутеса, а также росписями Бутады - камеры, которая по первоначальному плану должна была располагаться в западном конце симметричного храма (рис. 12).

Внутри первоначального Эрехтеума в восточном конце, отделенном перегородкой, должно было находиться святилище Афины Полиас. Западная камера Посейдона-Эрехтея, точный аналог восточной, должна была принять алтари и росписи. В промежуточной центральной камере, пропорции которой гармонировали с пропорциями северного портика, должны были находиться *таласса* и священная олива, что требовало, чтобы храм был частично гипаэтральным. Фуртвенглер (*Sitzb. Mün. Akad.*, 1904, p. 371) справедливо возражает против теории Дёрпфельда о том, что западная капелла в первоначальном храме должна была быть опистодомом, на том основании, что если восточная капелла содержала божество, то западная тоже должна была. Кроме того, для тех, кто считает, что великолепная северная паперть определяет переднюю часть Эрехтеума, западная келья должна была располагаться сбоку, а не в задней части храма. Внутренние стены-пилястры по обе стороны от дверей в оригинале предназначались для того, чтобы нести тяжелые поперечные балки. В построенном храме восточная пара была поднята всего на пять курсов выше ортостата, то есть до уровня перегородок. Их достройка стала ненужной, когда строители решили установить *καμπύλη σελίς*.

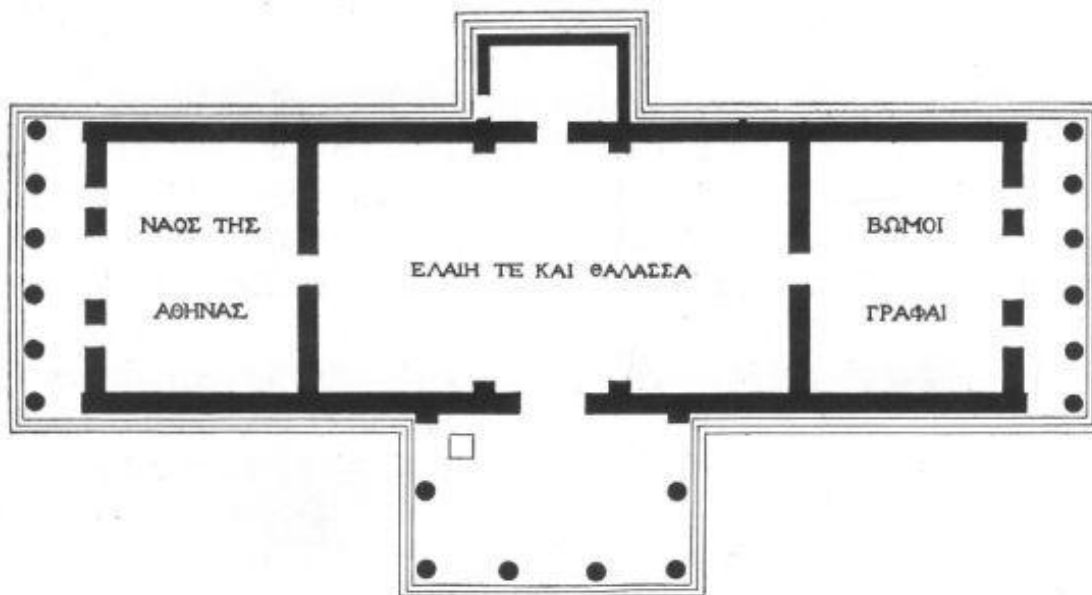

Рис. 12

Первоначальный план Эрехтеума.

Когда от этого первоначального плана пришлось отказаться, большая центральная камера не только уменьшилась в ширину, но и была разделена на переднюю и заднюю целлы. В первой из них, куда входили сразу с северного портика (ἔσελθοῦσι), были установлены три алтаря, а на стенах - росписи Бутады. Во внутренней целле (ἔνδον) находились трезубец-знак и *таласса*. Совершенно понятно, почему Павсаний не нашел двери, ведущей из первой камеры διπλοῦν οἴκημα в ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς. В первоначальном плане целла Афины и большая центральная камера жетонов были соединены дверью в середине их перегородки, в то время как целлы Афины и Посейдона-Эрехтея не должны были находиться в непосредственной связи. Эти отношения были сохранены в урезанном плане. Смысл двери в западной стене также прост. По первоначальному плану священная олива и *таласса* должны были стоять в большой центральной камере, но в сокращенном плане священная олива была оставлена за пределами храма и в Пандросеуме. Закрытая стена между этими двумя символами полностью разделила бы их. Они принадлежали друг другу, и дверь была плохой заменой общей камере, но это было единственное возможное средство связи.

Северное крыльцо по первоначальному плану должно было пропускать и *талассу*, и священную оливу, но в урезанном храме, который оставил оливу снаружи, она могла попасть непосредственно в последнюю только благодаря добавлению маленькой двери в юго-западном углу. Предельная простота этой двери, лишенной таких простых украшений, как на южной двери, позволяет предположить, что в первоначальном плане она не должна была стоять рядом с замысловатой северной дверью. Маленькая дверь, как и дверь в западной стене, не были характерны для первоначального Эрехтеума, и поэтому их присутствие не было более заметным благодаря добавлению какой-либо лепнины.

Такая интерпретация, если она верна, подтверждает общий принцип, согласно которому греческий архитектор стремился в случае сокращения своего плана сохранить, насколько это возможно, существенные черты и отношения частей друг к другу оригинала. Строитель Эрехтеума сохранил западный фасад в измененном виде и нашел место для западной целлы в уменьшенной центральной камере.

Эрехтей в первоначальном виде представлял собой абсолютно симметричное сооружение. Великолепный северный портал должен был сразу вести в целлу жетонов, по обе стороны от

которой находились святилища божеств, боровшихся за землю Аттики. Баланс структуры должен был отражать баланс культов. Короче говоря, первоначальный Эрехтей был архитектурным предложением, прекрасно иллюстрирующим *μὲν* и *δέ* греческого чувства. Вместе с Парфеноном и Пропилеями он должен был образовать группу симметричных памятников, венчающих афинский акрополь в манере, достойной эпохи Перикла.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[1] Очень нужен рисунок фасада, как он виден с этой точки.

[2] См. Дёрпфельд, *Am. Mitt.*, 1911, р. 59, где приводится последняя информация об этой борьбе.

[3] Немногочисленные известные факты об аррефорах удобно собраны Фрейзером, *op. cit.*, II, р. 344.

[4] Я обязан доктору Л. Д. Каски из Музея изящных искусств в Бостоне за предоставленную фотографию. Он также очень любезно предоставил мне возможность воспользоваться своим глубоким знанием Эрехтеума в различных наводящих на размышления критических замечаниях. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить свое чувство долга.

[5] Павсаний, по-видимому, ошибся, говоря о двух. Так, Фрейзер, *указ. соч.*, II, с. 574, прим. 6.

[6] Ср. диск с орнаментом из осьминогов на платье одной из девиц с тем, что опубликовал Шлиман, *Mykenae*, р. 194, № 240.

[7] Происхождение и значение термина *παράσταξ* очевидны. *παράσταξ* - это то, что стоит *παρά* двери или проема, т. е. косяк. В этой связи важен отрывок из надписи, в котором приводятся характеристики арсенала Филона (*I. G. II, 1054*). После указания размеров двери арсенала, материала перемычки, надпись добавляет *παράσταδας στήσας λίθου πεντεληϊκοῦ* к. т. л. *παράσταδες* - это, очевидно, дверные косяки, которые стоят *παρά* двери. Путем простого и легкого расширения слово стало обозначать не только косяк, но и стену, частью которой он являлся.
